

П Р А В О

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 23.

Воскресенье 6 июня.

„Право“ издается в С.-Петербургъ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, I. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. I. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Существо обязанности, предусмотрѣнной 2 ч. 994 ст. улож. о нак., и практика Прав. Сената.—В. Л. Глинка. 2) Обзорніе гражданской кассационной практики за 1898 г. 3) Письмо изъ Парижа.—В. Б. 4) Матеріалы Гаагской конференціи. 5) Судебные отчеты. 6) Дѣйствія правительсва. 7) Хроника. 8) Судебная и административная практика. 9) Отвѣты редакціи.

10) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по субботамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлечь, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Отъ конторы редакціи газеты „Право“.

Съ 1 іюня редакція и главная контора помѣщаются по Дмитровскому пер., въ домъ № 6.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ 1 іюня по 1 сентября, приемъ въ редакціи для личныхъ объясненій будетъ происходить по субботамъ, отъ 12 до 2 часовъ.

Существо обязанности, предусмотрѣнной 2 ч. 994 ст. улож. о нак., и практика Сената.

Однимъ изъ основныхъ положеній рѣшенія Сената по дѣлу Ферстеръ является, какъ уже было указано нами на страницахъ „Правъ“¹⁾, положеніе, гласящее, что хотя обязанность, налагаемая 2 ч. 994 ст., есть обязанность по свойству своему гражданская, тѣмъ не менѣе иски о понужденіи къ исполненію ея подлежатъ вѣдѣнію уголовнаго суда, который разбираетъ ихъ одновременно съ уголовнымъ дѣломъ о преступленіи, ее вызвавшемъ. Другими словами, эти иски были признаны Сенатомъ гражданскими исками въ уголовномъ процессѣ (ср. угол. рѣш. 1870 г. № 429, 1871 г. № 192, 1872 г. № 1141, 1873 г. № 1383, 1896 г. № 15 и др.).

Признавъ это, Сенатъ неизбежно долженъ былъ признать и то, что такіе иски являются ис-

ками о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ, а предъявители ихъ (мать и младенецъ) — лицами, потерпѣвшими отъ преступленія. Сдѣлать этотъ выводъ Сенатъ принуждала простая логика, ибо никакой иной постановки гражданскихъ исковъ въ уголовномъ процессѣ законъ нашъ не знаетъ.

Правильнъ-ли, однако, этотъ выводъ по существу? Для разрѣшенія этого вопроса мы рассмотримъ его отдѣльно—сперва по отношенію къ незаконной сожительницѣ, а затѣмъ по отношенію къ прижитымъ отъ нея дѣтямъ.

Итакъ, можно-ли считать незаконную сожительницу лицомъ, потерпѣвшимъ вредъ и убытки отъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1 ч. 994 ст.

Сенатъ считаетъ, что можно, причемъ въ подтвержденіе ссылается на аналогію между конкубиной, изнасилованной женщиной (т. X, ст. 663) и женщиной, похищенной противъ ея воли (т. X, ст. 664). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Неклюдовъ, называющій конкубину

¹⁾ См. № 17.

„женщиной, бывшей предметомъ преступленія со стороны мужчины“¹⁾.

Съ приведеннымъ взглядомъ согласиться, однако, рѣшительно невозможно. Начну съ того, что преступленіе, предусмотрѣнное 1 ч. 994 ст., — если только вообще считать незаконное сожитіе преступленіемъ, — есть *преступленіе противъ общественной нравственности*, а не противъ личности или имущества частныхъ лицъ (уг. 1868 г. № 694, Об. Соб. 1879 г. № 58). Сообразно съ этимъ, частныя лица, не будучи субъектами нарушеннаго права, не могутъ поэтому быть лицами, терпящими отъ этого правонарушенія вредъ и убытки. Помимо этого, конкубина не можетъ быть признана потерпѣвшей по той причинѣ, что въ незаконное сожитіе она вступаетъ *добровольно*, и, слѣдовательно, къ ней вполнѣ примѣнимъ принципъ: *volenti non fit injuria*. Наконецъ, вопреки мнѣнію Неклюдова, конкубина является, съ точки зрѣнія нашего положительнаго права и его историческихъ источниковъ, не объектомъ, а *субъектомъ* преступленія, и потому признаніе ея потерпѣвшею противорѣчитъ смыслу ст. 6, 18, 301—305 и др. уст. уг. суд., согласно которымъ *обвиняемый* въ преступленіи не можетъ быть одновременно лицомъ, отъ него *потерпѣвшимъ*. Случаи, съ которыми Сенатъ проводитъ аналогію (т. X, ст. 663, 664, 666), совершенно отличны отъ даннаго: тамъ мы имѣемъ дѣло съ *жертвами* преступленія (изнасилованная, похищенная противъ воли, вступившая въ бракъ по принужденію и обману), здѣсь — съ *участниками* въ немъ.

Мало того, изъ этихъ же случаевъ прямо явствуетъ, что, если на мѣсто принужденія и обмана является согласіе, а лицо потерпѣвшее оказывается одновременно соучастникомъ въ преступленіи, право на вознагражденіе eo ipso утрачивается. По смыслу ст. 664 т. X и ст. ст. 1549 ч. 2 и 1582 улож. похищенная женщина только тогда имѣетъ право на содержаніе, когда похищеніе произошло „противъ ея воли“. Точно также женщина, вступившая въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ уже въ брачномъ союзѣ, получаетъ, согласно ст. 666 т. X и ст. 1555 улож., вознагражденіе только тогда, если „она о томъ не знала“, т. е. сама не принимала участія въ преступленіи.

Такимъ образомъ, считать по нашему закону конкубину лицомъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, не приходится. Въ то же время 2 ч. 994 ст. признаетъ за ней право на обезпеченіе, и это право нуждается въ объясненіи. Не ограничиваясь примѣненіемъ къ данному вопросу идеи вреда и убытковъ, Сенатъ и Неклюдовъ пытаются найти такое объясненіе въ

аналогіи между обязанностью сожителя по отношенію къ конкубинѣ и алиментарной обязанностью мужа по отношенію къ законной женѣ (т. X, ст. 106). Неклюдовъ исходитъ при этомъ изъ того соображенія, что конкубинатъ исторически примыкаетъ непосредственно къ брачной семьѣ, а потому основанія гражданской отвѣтственности сожителя должны быть тѣ же самыя, что и семейныхъ обязанностей мужа въ брачномъ союзѣ. Сенатъ, съ своей стороны, ограничивается констатированіемъ факта аналогіи и говоритъ, что обязанность, установленная 2 ч. 994 ст., должна сообразоваться со ст. 663 т. X и не превышать обязанностей законнаго мужа (уг. 1882 г. № 53, 1883 г. № 17; гр. 1888 г. № 17 и 1895 г. № 10).

Однако, и съ этимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Если конкубинатъ примыкаетъ въ своемъ историческомъ развитіи къ брачной семьѣ, то во всякомъ случаѣ не у насъ, гдѣ на него искони смотрѣли, какъ на дѣяніе „блудное“ и „беззаконственное“, и гдѣ онъ по нынѣ преслѣдуется закономъ подъ страхомъ наказанія. Къ тому же алиментарная обязанность мужа по смыслу ст. 106 т. X, помѣщенной въ главѣ „о правахъ и обязанностяхъ, отъ супружества возникающихъ“, есть обязанность, неразрывно связанная съ понятіемъ о совмѣстной супружеской жизни (ст. 103): по смыслу закона, жена, самовольно уклоняющаяся отъ сожительства съ мужемъ, не можетъ требовать отъ него и алиментовъ. Сообразно сказанному, если допустить возможность аналогіи между алиментарной обязанностью мужа и обязанностью, установленной для незаконнаго сожителя 2 ч. 994 ст., пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ, по принципу: „ubi eadem legis ratio, ibi eadem legis dispositio“, допустить, что законъ *обязываетъ* конкубину къ незаконному сожительству, т. е. совершенно разойтись со смысломъ 994 ст., карающей именно за это сожитіе. Далѣе, такъ какъ право жены на алименты не находится ни въ какой связи съ фактомъ существованія или несуществованія у нея дѣтей, то, допустивъ аналогію, пришлось бы сказать, что и конкубина должна имѣть право на содержаніе *независимо* отъ того, есть у нея дѣти или нѣтъ, т. е. опять таки совершенно разойтись со смысломъ ст. 994, говорящей о правѣ на вознагражденіе лишь по отношенію къ конкубинѣ-матери.

Такимъ образомъ, и эта точка зрѣнія оказывается несостоятельной. Ошибка ея сторонниковъ заключается въ томъ, что, вопреки смыслу 2 ч. 994 ст., соединяющей незаконную мать и ея младенца посредствомъ союза „и“ въ одно цѣлое, они во чтобы ни стало хотятъ разлучить ихъ и признать за каждымъ изъ нихъ самостоятельное право на содержаніе, тогда какъ законъ признаетъ за конкубиной право на содержаніе *лишь постольку, поскольку*

¹⁾ Сенатъ — гр. 1880 г. № 182, Ветошкиной. *Неклюдова*. Руков. къ особ. части т. I, стр. 379. Въ рѣшеніи угол. 1875 г. № 484 по дѣлу Робина Сенатъ называетъ конкубину „обольщенной“.

такое необходимо въ интересахъ младенца, остающагося на ся попеченіи ¹⁾.

Центръ тяжести 2 ч. 994 ст. заключается, слѣдовательно, въ обезпеченіи младенца. Въ своей статьѣ, посвященной данному вопросу, г. Змирловъ, съ этой точки зрѣнія, былъ безусловно правъ, когда послѣ заявленія о томъ, что „женщина, идущая на преступленіе, не можетъ и не должна извлекать выгоды изъ законопреступнаго дѣянія“, восклицалъ: „Но въ чемъ же повинны дѣти, рожденныя отъ законопреступной связи?“ ²⁾. Несомнѣнно, дѣти ни въ чемъ не повинны. Несомнѣнно также, что существованіе ихъ должно быть обезпечено. Эту цѣль и преслѣдуетъ 2 ч. 994 ст. Открытымъ остается лишь вопросъ о томъ, въ силу какихъ соображеній обязанность обезпеченія подобныхъ дѣтей возлагается закономъ именно на ихъ отца.

Сенатъ, остановившійся на точкѣ зрѣнія вреда и убытковъ, остается вѣрнѣ себя и въ данномъ случаѣ (гр. 1880 г. № 182). Онъ считаетъ, что эта обязанность возлагается на незаконнаго отца въ силу того, что имъ причинены дѣтямъ вредъ и убытки, заключающіеся въ томъ, что дѣти, будучи произведены имъ на свѣтъ, оставлены имъ затѣмъ безъ обезпеченія къ дальнѣйшему продолженію жизни. Подтвержденіе Сенатъ находитъ въ ст. 663 и 666 т. X, говорящихъ объ однородныхъ обязанностяхъ и помѣщенныхъ въ раздѣлѣ „о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ“. Мнѣ кажется, однако, что ни о какомъ вредѣ и убыткахъ здѣсь не можетъ быть рѣчи, хотя бы потому, что въ моментъ совершенія преступленія, предсматривающаго въ 1 ч. 994 ст., незаконныхъ младенцевъ, объ обезпеченіи которыхъ упоминаетъ законъ, не существовало на свѣтъ вовсе, а, слѣдовательно, они не могли потерпѣть отъ этого преступленія ни непосредственнаго имущественнаго ущерба (*damnum emergens*) ни косвеннаго (*lucrum cessans*). Между ихъ безпомощнымъ положеніемъ и преступленіемъ, караемымъ 1 ч. 994 ст., нѣтъ никакой причинной связи. Такая связь существуетъ между этимъ преступленіемъ и фактомъ ихъ появленія на свѣтъ. Но появленіе на свѣтъ 1) не есть вредъ и убытокъ и 2) не обуславливаетъ еще безпомощнаго положенія. Сенатъ сознаетъ это и называетъ вредомъ и убытками не фактъ рожденія, а фактъ оставленія безъ помощи, т. е. другими словами, фактъ неисполненія

установленной 2 ч. 994 ст. обязанности. Сообразно съ этимъ, иски по 2 ч. 994 ст., Сенатъ называетъ не исками о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ, а исками „о понужденіи къ исполненію возлагаемой закономъ обязанности“ (уг. 1868 г. № 657 Ферстеръ). Такимъ образомъ, взявшись объяснять природу обязанности, установленной 2 ч. 994 ст., Сенатъ попадаетъ въ концѣ концовъ въ заколдованный кругъ, ровно ничего не объясняющій: отецъ обязанъ обезпечивать своихъ незаконныхъ дѣтей потому, что онъ обязанъ; потому, что неисполненіе имъ своей обязанности имѣетъ послѣдствіемъ ихъ безпомощное положеніе. Но почему же онъ, а не кто либо другой обязанъ это дѣлать? Отвѣта на это у Сената нѣтъ. Между тѣмъ, если оставить тщетную попытку поисковъ причины явленія въ его послѣдствіяхъ и обратиться къ тексту закона, то отвѣтъ будетъ очень опредѣленный: сожитель обязанъ содержать прижитыхъ имъ дѣтей потому, что онъ виновникъ ихъ появленія на свѣтъ, что онъ ихъ отецъ, что между нимъ и его дѣтьми существуетъ кровная связь, которая заставляетъ даже животныхъ заботиться о дѣтенышахъ. Такой отвѣтъ намъ подсказываетъ не только буквальный смыслъ 994 ст., налагающей обязанность содержанія не на „сожителя“, а на „отца“, но и сопоставленіе этой статьи со всѣми однородными ей статьями: 133, 172, 664 и 666 т. X ч. 1. Всѣ эти статьи говорятъ объ одномъ и томъ же: объ обязанности родителей (въ частности отца) пешихъ о своихъ дѣтяхъ, при чемъ ст. 172 имѣетъ въ виду дѣтей вообще, ст. 133 и 666—дѣтей отъ недѣйствительнаго брака, ст. 663—дѣтей отъ изнасилованія, ст. 994—дѣтей отъ незаконнаго сожитія. Уже изъ простаго перечня содержанія этихъ статей явствуетъ, что обязанность пешихъ о дѣтяхъ лежитъ по смыслу нашего закона одинаково какъ на законныхъ родителяхъ, такъ и на незаконныхъ, какъ на виновныхъ въ преступленіи, такъ и на невиновныхъ. Это обстоятельство, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о томъ, что эта обязанность вытекаетъ не изъ брака и не изъ преступленія, а изъ какого-то иного основанія, именно, изъ *кровной близости* родителей къ дѣтямъ. Правильность такого вывода подтверждается, между прочимъ, текстомъ 1514 и 1516 ст. улож. о нак. и 144 ст. уст. о нак., которыя, говоря объ обязанности родителей пешихъ о дѣтяхъ, имѣютъ въ виду родителей вообще и поясняютъ, что эта обязанность лежитъ на нихъ „по долгу природы“ (ст. 1516). Тоже подтверждается *Уставъ благочинія* 8 апрѣля 1782 г. (№ 15,379), послужившій источникомъ ст. 172 т. X. Статья 41 п. X означеннаго устава говоритъ, что долгъ дать дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное по состоянію предписываетъ родителямъ „природная любовь къ дѣтямъ“.

¹⁾ Въ рѣшеніи по дѣлу Арентъ (гр. 1893 года № 105) и Сенатъ признаетъ, что по общему смыслу нашихъ законовъ незаконный отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, „содействовать матери“ въ приличномъ содержаніи вѣнчающаго младенца. Но эта фраза такъ и остается чисто случайной.

²⁾ Журн. Мин. Юст. 1896 г. № 1, стр. 201—202, разборъ рѣшенія Сената по дѣлу Пакутиной.

Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Волчанецкой (гр. 1888 г. № 17) соглашается съ этимъ, говоря, что обязанность, установленная 2 ч. 994 ст., вытекаетъ не изъ преступленія, а изъ факта рожденія, и имѣетъ своимъ основаніемъ, подобно обязанности законнаго отца (т. X, ст. 172), „естественную и присущую родителямъ заботу о пропитаніи, содержаніи и воспитаніи ихъ дѣтей“. Въ то-же время положенія, установленныя имъ въ рѣшеніи по дѣлу Ферстеръ, связываютъ его и не даютъ ему возможности отрѣшиться отъ идеи вреда и убытковъ. Въ результатѣ, въ однихъ рѣшеніяхъ Сенатъ считаетъ, что обязанность незаконнаго сожителя пецись о своихъ дѣтяхъ есть *obligatio ex delicto*, т. е. *обязанность вознаграждать за вредъ и убытки*, причиненные имъ преступнымъ дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ въ 1 ч. 994 ст., и что потому здѣсь примѣнимы узаконенія, опредѣляющія гражданскую отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, напр. ст. 664—645 т. X и ст. 61 ул. о нак., и непримѣнимы статьи X т. объ алиментахъ (гр. 1873 г. № 1383 Башкирцева, 1880 года № 182 Ветоскиной, 1895 г. № 10 Эйсенманъ). Въ другихъ рѣшеніяхъ оказывается, наоборотъ, что эта обязанность есть обязанность *алиментарная*, аналогичная съ обязанностью, установленной ст. 172 т. X, и что потому къ ней примѣнимы законы объ алиментахъ, и непримѣнимы законы о вознагражденіи за вредъ и убытки, напр. ст. 644—645, 675 т. X, ст. 61 ул., ст. 15 и 18 уст. уг. суд. и др. (уг. 1882 г. № 53; гр. 1888 г. № 17, 1895 г. № 10). Наконецъ, въ третьей группѣ рѣшеній къ этой обязанности примѣняются одновременно *и тѣ, и другіе законы* (уг. 1882 г. № 53, 1883 г. № 17). Параллельно съ этимъ чрезъ все рѣшенія Сената проходитъ красной нитью стремленіе во что бы ни стало свести размѣръ обезпеченія, слѣдуемаго по 2 ч. 994 ст., къ возможному *minimum'u*. Сообразно съ этимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда понятіе о вознагражденіи за вредъ и убытки оказывается *шире* понятія объ алиментахъ, Сенатъ примѣняетъ законы объ алиментахъ и говоритъ, что, хотя по смыслу законовъ о вознагражденіи за вредъ и убытки (гражд. 1895 г. № 10) означенное вознагражденіе можетъ быть присуждаемо въ видѣ единовременной суммы (т. X, ст. 675), а обязанность уплаты его распространяется на наследниковъ (уложеніе ст. 61, т. X ст. 644—645, уст. уг. суд. ст. 15, 18), тѣмъ не менѣе то и другое непримѣнимо къ обязанности незаконнаго сожителя, ибо послѣдняя является обязанностью личной, аналогичной съ алиментарной обязанностью законнаго отца (гражд. 1888 г. № 17; уг. 1882 г. № 53). Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда понятіе о вознагражденіи за вредъ и убытки оказывается *уже* понятія объ алиментахъ, Сенатъ примѣняетъ именно законы о вознагражденіи, а не

законы объ алиментахъ. По смыслу послѣднихъ (т. X, ст. 106, 172) родители обязаны пецись въ силу „природной любви“ о дочеряхъ до выхода ихъ замужъ, а о сыновьяхъ до полученія ими „воспитанія добраго и честнаго по состоянію“, т. е. при наличности средствъ, до окончанія ими курса высшаго образованія. Такъ понимаетъ эти законы Сенатъ (гр. 1893 г. № 106). Такъ же истолковала ихъ московская судебная палата въ примѣненіи къ ст. 994. Но Сенатъ отмѣнилъ ея рѣшеніе, находя съ одной стороны, что вредъ и убытки, причиняемые незаконнымъ сожителемъ дѣтямъ, сводятся къ оставленію ихъ безъ помощи на все время, пока они не въ состояніи будутъ содержать себя собственными трудами, и что обязанность ихъ обезпеченія не должна поэтому выходить за предѣлы указанной необходимости, т. е. идти далѣе ихъ совершеннолѣтія, а съ другой стороны, что обязанность эта, „возлагаемая въ видѣ наказанія, по своимъ послѣдствіямъ *не можетъ быть отождествляема* съ принимаемыми на себя лицами, вступающими въ бракъ, обязанностями въ отношеніи имѣющихъ родиться отъ сего брака дѣтей“ (гр. 1880 г. № 182; уг. 1883 г. № 17).

Причины, по которымъ Сенатъ поступаетъ такъ, кроются, какъ я уже неоднократно указывалъ, въ рѣшеніи по дѣлу Ферстеръ, неправильно истолковавшемъ существо обязанности, установленной 2 ч. 994 ст., и положившемъ начало всеѣмъ дальнѣйшимъ неправильностямъ и противорѣчіямъ. Краеугольнымъ камнемъ этого рѣшенія является идея, будто законодательство наше, относящееся весьма строго къ незаконнымъ дѣтямъ, не признаетъ за ними поэтому права на алименты. Дальнѣйшее развитіе этой идеи привело Сенатъ къ заключенію, что обязанность пецись о незаконныхъ дѣтяхъ, установленная 2 ч. 994 ст., т. е. уголовнымъ закономъ, хотя и является по свойству своему обязанностью гражданской, но почвы для себя въ законахъ гражданскихъ не имѣетъ, противорѣчитъ имъ и представляетъ изъ себя, если не наказаніе, то во всякомъ случаѣ нѣчто, близко стоящее къ нему, мѣру, неразрывно съ нимъ связанную, а иски о понужденіи къ ея исполненію являются исками, не основанными на правѣ гражданскомъ. Еще шагъ, и возникаетъ мысль о подсудности подобныхъ исковъ уголовному суду, о томъ, что эти иски ближе всего подходятъ по своему типу къ искамъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, а предъявители ихъ являются лицами, потерпѣвшими отъ преступленія, и т. д., и т. д. Одна неправильность влечетъ другую, одно противорѣчіе рождаетъ другое.

Чѣмъ же однако мотивируетъ Сенатъ свое первое неправильное положеніе? Мотивы его могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ тезисамъ (уг. 1868 г. № 657; гр. 1873 г. № 1383:

общ. соб. 1891 г. № 24; гр. 1893 г. № 105; гр. 15 ноября 1895 г.).

1) Обязанность родителей пешись о дѣтяхъ есть обязанность *семейственная*.

2) Подъ понятіемъ семейства, дѣтей и родителей законъ разумѣть *законное* семейство, *законныхъ* дѣтей и *законныхъ* родителей.

3) Что касается незаконныхъ дѣтей, то ст. 136 т. X ч. 1 ограничивается *отрицаніемъ* всякаго рода гражданскихъ правъ такихъ дѣтей относительно имущества ихъ незаконныхъ родителей.

4) Другихъ же статей, которыя опредѣляли бы, какъ личныя, такъ и имущественныя отношенія между отцомъ и незаконнорожденнымъ его младенцемъ, при отсутствіи насилія или обмана (т. X ст. 133, 662, 664, 666, ул. 1528, 1549—1552), въ законахъ гражданскихъ не существуетъ.

Изъ этихъ посылокъ Сенатъ дѣлаетъ выводъ, что законы, опредѣляющіе обязанности родителей къ дѣтямъ, въ частности ст. 172 т. X, не могутъ быть распространяемы на дѣтей, прижитыхъ (внѣ брака, а потому послѣднія не могутъ, между прочимъ, предъявлять увѣчныхъ исковъ по ст. 657 и 683 т. X. (д. Пакутиной).

Ошибка, дѣлаемая въ данномъ случаѣ Сенатомъ, заключается въ томъ, что онъ смѣшиваетъ всѣ права и обязанности семейственныя въ одну групу и полагаетъ, что всѣ онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же первоисточникъ—бракъ. Если бы это было такъ, то Сенатъ, разумѣется, былъ бы совершенно правъ, говоря, что законы, опредѣляющіе права и обязанности семейственныя, не могутъ быть распространяемы на дѣтей, прижитыхъ внѣ брака. Но на самомъ дѣлѣ положеніе вещей нѣсколько иное. Права и обязанности семейственныя, въ частности права и обязанности родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, распадаются по своему происхожденію на двѣ категоріи: на права и обязанности *юридическія*, вытекающія изъ брака и однородныхъ съ нимъ институтовъ—усыновленія и узаконенія, и права и обязанности *естественныя*, устанавливаемая близостью кровной связи. Къ первой категоріи принадлежатъ права и обязанности имущественныя, право на имя, фамилію, состояніе и пр., ко второй категоріи—права и обязанности личныя, какъ-то: право на пропитаніе, одежду и воспитаніе, обязанность повиноваться родителямъ, пешись о нихъ и пр. Относительно возможности распространения на дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, законоположеній, опредѣляющихъ права и обязанности первой категоріи, послѣ сказаннаго не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи, тѣмъ болѣе, что ст. 136 т. X высказывается по этому вопросу вполне категорично. Обратное слѣдуетъ сказать про законоположенія второй категоріи. Они, по принципу: „ubi eadem legis ratio, ibi edem legis dispositio“, несомнѣнно

должны быть распространяемы на внѣбрачныхъ дѣтей. Что касается спеціально ст. 172 т. X, противъ примѣненія которой къ незаконнорожденнымъ Сенатъ особенно протестуетъ, то здѣсь аналогія оказывается наиболее очевидной. Указаніе, будто подъ понятіемъ семейства, дѣтей и родителей законъ нашъ имѣетъ въ виду только законное семейство, законныхъ дѣтей и законныхъ родителей, не только ничѣмъ не подтверждается, но прямо опровергается: 1) буквальнымъ текстомъ ст. 994, 1514, 1516 ул. о нак., 144, 143 уст. о нак. и др., называющихъ родителями и дѣтьми какъ законныхъ родителей и дѣтей, такъ и незаконныхъ; 2) тѣмъ обстоятельствомъ, что алиментарные проступки родителей противъ дѣтей и дѣтей противъ родителей (опять-таки безъ различія законныхъ отъ незаконныхъ) нашъ мировой уставъ (ст. 143—144) называетъ проступками „противъ правъ семейственныхъ“; 3) тѣмъ, что въ X т. ч. 1 въ книгѣ I (о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ) раздѣлѣ II (о союзѣ родителей и дѣтей) рѣчь идетъ какъ о законномъ семействѣ, родителяхъ и дѣтяхъ, такъ и о незаконномъ. Ссылка на ст. 136 т. X также не только не подтверждаетъ вывода Сената, но говоритъ скорѣе противъ него, ибо статья эта, подчеркивая отсутствіе у внѣбрачныхъ дѣтей *юридическихъ* семейныхъ правъ и не подлежа въ качествѣ ограничительной распространительному толкованію, тѣмъ рельефнѣе отбѣиваетъ ихъ *естественныя* права (ср. гр. 1872 г. № 685). Наконецъ, указаніе Сената на недостаточность и неполноту нашихъ гражданскихъ законовъ по вопросу объ отношеніяхъ между внѣбрачными дѣтьми и ихъ родителями свидѣтельствуетъ лишь о необходимости примѣненія къ нимъ ст. 9 уст. гр. суд., какъ это признано Сенатомъ въ другомъ мѣстѣ. По справедливому замѣчанію Сената, сдѣланному тамъ (гр. 1880 г. № 182), „въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ задача суда, примѣняющаго ст. 9 уст. гр. суд., заключается не только въ открытіи *аналогическихъ* въ какомъ-либо отношеніи случаевъ, положительно указанныхъ въ законѣ, но судъ долженъ руководствоваться *общимъ смысломъ* законовъ“. Этотъ „общій смыслъ“, въ примѣненіи къ данному случаю, говоритъ, по утвержденію Сената, что есть связь между незаконными дѣтьми и ихъ родителями и что эта связь налагаетъ на нихъ алиментарныя обязанности (гр. 1893 г. № 105, 1888 г. № 17). Итакъ, все, что необходимо для аналогіи, имѣется на лицо. Въ основѣ ст. 172 т. X лежитъ, какъ было указано, идея семейственной кровной связи родителей съ дѣтьми и предписываемой этой связью любви (ср. гр. 1871 г. № 995, 1887 г. № 105, 1888 г. № 17 и др.). Наличности такой связи между членами внѣбрачнаго семейства Сенатъ не отрицаетъ. Не отрицаетъ онъ и того, что эта связь создаетъ извѣстныя нрав-

ственныя отношенія, „столь же по природѣ своей близки, какъ и отношенія между законными дѣтьми и ихъ родителями“ (гр. 1872 г. № 685), и налагаетъ алиментарныя обязанности.

Такимъ образомъ, *ratio legis* оказывается въ обоихъ случаяхъ одинаковой, а, слѣдовательно, и *dispositio legis* должна быть одна и та же. И если Сенатъ, несмотря на всю очевидность аналогіи 2 ч. 994 ст. со ст. 172 т. X, все-таки колеблется и, признавая ее въ однихъ рѣшеніяхъ, отрицаетъ въ другихъ, то дѣлаетъ это только потому, что логика говоритъ одно, а тезисы по дѣлу Ферстеръ другое. Признать аналогію значитъ отвергнуть рѣшеніе Общаго Собранія по дѣлу Ферстеръ со всеми его послѣдствіями, т. е. сдѣлать такую коренную ломку всей установившейся по данному вопросу практики, на которую Сенатъ не рѣшается. Не признать этой аналогіи значитъ обречь себя на безконечный рядъ противорѣчій. О нѣкоторыхъ изъ этихъ противорѣчій мы и поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

В. Глинка.

Обозрѣніе гражданской кассационной практики за 1898 годъ.

Обсуждая рѣшенія Пр. Сената за 1897 г., мы имѣли случай отмѣтить, что департаменту до сихъ поръ приходится удѣлять значительную часть своей работы вопросамъ публичной продажи недвижимыхъ имѣній и, какъ на одну изъ главныхъ причинъ этого ненормальнаго явленія, мы указали на то, что ни разу Пр. Сенатъ не далъ руководящаго категорическаго разъясненія по этимъ вопросамъ, которое объединило бы, связало общими началомъ отрывочныя постановленія статей устава гр. суд. (См. „Право“ № 1 за 1898 г., стр. 21). Убѣдительно подтвержденіе этого взгляда мы встрѣчаемъ въ рѣшеніи № 8 за 1898 г., касающемся 1100 ст. уст. гр. суд. Какъ извѣстно, ст. 1100 постановляетъ, что „договоры по имѣнію, заключенные отвѣтчикомъ послѣ получения повѣстки объ исполненіи, могутъ быть уничтожены судомъ по просьбѣ взыскателя, а въ случаѣ публичной продажи имѣнія по просьбѣ покупателя, если эти договоры клонятся ко вреду того и другого“. Эта статья была предметомъ столь же многочисленныхъ, сколь и противорѣчивыхъ толкованій. Для примѣра достаточно указать на два рѣшенія, помѣщенныхъ въ одномъ и томъ же сборникѣ за 1881 г. Въ первомъ изъ этихъ рѣшеній (№ 36) Сенатъ разъяснилъ, что правило 1100 ст. примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда имѣніе приобретено не съ публичнаго торга, а отъ банка, въ коемъ оно было заложено, по вольной цѣнѣ, ибо „ст. 1100 уст. гр. суд. содержитъ въ себѣ правило матеріальнаго гр. права, которое должно быть примѣняемо ко всѣмъ заложеннымъ въ банкахъ недви-

жимымъ имуществамъ, продаваемымъ банками въ предписанномъ уставами ихъ порядкѣ“. А засимъ въ рѣшеніи № 98 мы читаемъ: ст. 1100 уст. гр. суд. имѣетъ въ виду *исключительно* публичную продажу, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ такой продажи не было, а была продажа по вольной цѣнѣ (т. е. такъ же какъ и въ первомъ случаѣ, послѣ несостоявшагося втораго торга банкъ, согласно своему уставу, продалъ имущество по вольной цѣнѣ). Толкованіе просителя, что „продажа по вольной цѣнѣ отличается отъ публичной продажи только по формѣ, а въ существѣ онѣ одно и то же, не можетъ быть признано правильнымъ, между этими продажами есть существенная разница“ и т. д. Итакъ въ теченіе одного года выставляются два тезиса, непримиримо противорѣчащіе другъ другу и оба выставлены въ одинаково безусловныхъ выраженіяхъ: въ одномъ категорически говорится, что разсматриваемое правило необходимо примѣнять ко всѣмъ заложеннымъ имѣніямъ, въ другомъ—исключительно къ публичной продажѣ.

Но гораздо интереснѣе и болѣе чревато по своимъ послѣдствіямъ разъясненіе по вопросу о томъ, кому именно принадлежитъ по 1100 ст. право оспаривать заключенные должникомъ договоры. Еще въ 1877 г. Пр. Сенату пришлось разсматривать дѣло, въ которомъ лицо, приобрѣвшее имѣніе отъ покупателя съ публичнаго торга и обязавшееся въ самой купчей крѣпости сохранить договоръ, заключенный прежнимъ вотчинникомъ должникомъ, требовало уничтоженія договора на основаніи правила приведенной статьи. Само собою разумѣется, какъ Сенатъ и разъяснилъ, ст. 1100 не можетъ найти примѣненія къ этому случаю, потому что покупатель съ публичнаго торга не только не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ оспорить, но, признавъ силу контракта, обязалъ и своего правопреемника сохранить его. Но, къ сожалѣнію, Пр. Сенатъ, не ограничиваясь конкретнымъ случаемъ, высказалъ общее положеніе, „что заключеніе палаты о томъ, что ст. 1100 относится лишь къ взыскателю и покупщику съ публичнаго торга имѣнія и не распространяетъ дѣйствія своего на всѣхъ слѣдующихъ покупателей имѣнія, совершенно правильно и согласно съ буквальнымъ смысломъ этой статьи, а потому всѣ доводы просителя о нарушеніи будто бы палатою, какъ этой статьи, такъ и другихъ приведенныхъ имъ законовъ, нельзя признать основательными“ (рѣш. № 186). Пр. Сенатъ не считаетъ даже необходимымъ войти въ обсужденіе доводовъ просителя, чтобы убѣдиться, не противорѣчитъ-ли буква закона логическому его содержанію и другимъ законамъ, на которые проситель указывалъ. А между тѣмъ при такомъ преклоненіи предъ буквой можно было бы весьма существенно измѣнить весь строй нашего гр. права. Такъ напр., въ

ст. 2050 т. Х ч. I постановлено, что „обязательство по займу исполняется платежомъ отъ должника заимодавцу занятой суммы“. Слѣдующимъ выдвигаемому Сенатомъ буквальному смыслу, можно заключить, что должникъ не обязанъ платить правопреемнику заимодавца, потому что о немъ въ этой статьѣ не упоминается, и всякіе доводы, какіе могли бы быть приведены въ доказательство обязанности должника платить правопреемнику заимодавца, точно такъ же, какъ и въ приведенномъ случаѣ, разбивались бы о буквальный смыслъ статьи. И вотъ выставленное Сенатомъ толкованіе ст. 1100 именно въ своемъ общемъ, отвѣченномъ отъ конкретныхъ обстоятельствъ дѣла видѣ вошло во всѣ комментаріи къ уст. гр. суд. и, надо полагать, весьма усердно примѣнялось къ жизни нашими судебными инстанціями. Потребовалось больше 20 л., прежде чѣмъ Сенатъ отказался отъ своего взгляда и сталъ на иную точку зрѣнія. Поводомъ къ пересмотру послужило рѣшеніе Тифлисской судебной палаты по слѣдующему дѣлу: 5 ноября 1893 г. за Поповымъ было укрѣплено окр. судомъ имѣніе Буцкаго, купленное имъ 21 октября съ публичнаго торга. 2 декабря того же года Поповъ продалъ это имѣніе по купчей крѣпости Николенко. При вводѣ послѣдняго во владѣніе обнаружилось, что купленное имѣніе отдано было опекой Буцкаго 1 августа 1893 г. (повѣстка объ исполненіи рѣшенія вручена 5 января 1893 г.) въ арендное содержаніе Цимбалову на 7 лѣтъ. По иску Николенко къ Цимбалову и опеку Буцкаго объ уничтоженіи аренднаго договора Тифлисская судебная палата, утверждая рѣшеніе Екатеринод. окр. суда объ отказѣ въ искѣ, мотивами своего рѣшенія выставляетъ: „1) 1100 ст. у. г. с. устанавливаетъ право требовать уничтоженія договоровъ, клонящихся ко вреду ихъ, только для взыскателя и покупщика, но ни по буквѣ, ни по духу сего закона дѣйствіе его не можетъ быть распространяемо на третьихъ лицъ, въ виду того что законъ имѣлъ въ виду оградить именно тѣхъ лицъ, прямые интересы коихъ нарушаются обезцѣненіемъ имѣнія, служащаго обезпеченіемъ ихъ взысканія или эквивалентомъ уплаченной ими за него на публичномъ торгѣ цѣны, и 2) право иска, предоставленное 1100 ст., есть личное, а не вещное право, и потому, вопреки доводамъ апелляции, не можетъ переходить, какъ принадлежность имѣнія, къ послѣдующимъ приобретателямъ имѣнія“. Такимъ образомъ, Тифлисская суд. палата ссылается уже не только на одну букву, но и на духъ закона, хотя, къ сожалѣнію, палата не стремится объяснить, въ чемъ именно она усмотрѣла исключительное желаніе законодателя заботиться только о прямыхъ интересахъ означенныхъ въ 1100 ст. лицъ и никого другого. „Отвѣтственность за обезцѣненіе имѣнія, служащаго и т. д.“ составляетъ вообще одно изъ послѣдствій договора купли - продажи съ пуб-

личнаго торга. Но наиболѣе оригинальнымъ, несомнѣнно, является подведеніе предоставленнаго 1100 ст. права оспаривать договоръ по имѣнію подъ личныя права. До сихъ поръ были извѣстны личныя сословныя права, личныя имущественныя права дѣтей по отношенію къ родителямъ и обратно, но о какихъ-либо личныхъ правахъ покупателей съ публичнаго торга ни въ законахъ, ни въ учебникахъ до сихъ поръ не упоминалось. Предоставляемое 1100 ст. право оспариванія принадлежитъ до извѣстнаго момента взыскателю, а затѣмъ покупщику. Достаточно обратить вниманіе на этотъ переходъ права, стоящій въ прямой и исключительной зависимости отъ юридическаго отношенія лица къ данному имѣнію, чтобы отвергнуть всякое предположеніе о личномъ правѣ и прійти къ тому заключенію, что право оспаривать принадлежитъ упоминаемымъ въ 1100 ст. лицамъ именно въ виду ихъ юридической связи съ даннымъ имуществомъ, и что потому, если въ этой юридической связи съ имуществомъ наступаетъ преемство на сторонѣ взыскателя или покупщика съ публичнаго торга, то къ преемникамъ не могутъ перейти и тѣ права, которыя предоставлены были ихъ праводателямъ въ силу ихъ отношенія къ данному имуществу. Иначе могли бы оказаться такіе результаты, которые прямо противорѣчили бы указываемой самою палатою цѣли закона — „оградить именно тѣхъ лицъ, прямые интересы коихъ нарушаются обезцѣненіемъ имѣнія“. Въ самомъ дѣлѣ, правило 1100 ст. составляетъ исключеніе изъ общаго положенія нашихъ законовъ, согласно которому продажа имущества не уничтожаетъ заключенныхъ по имѣнію арендныхъ договоровъ, но покупщику предоставляется право предъявить искъ къ продавцу объ очисткѣ. Поэтому если допустить, что это изыятіе не распространяется на послѣдующаго покупщика, то надо признать, что восстанавливается дѣйствіе общаго положенія, иначе говоря, если новый приобретатель не можетъ предъявить искъ къ арендатору по 1100 ст., то онъ можетъ воспользоваться на общемъ основаніи предъявленіемъ требованія объ очисткѣ къ своему правопреемнику, покупщику съ публичнаго торга. Этотъ же послѣдній, въ виду изыятія, установленнаго для него 1100 ст., такого требованія предъявить не можетъ, не можетъ онъ также привлечь арендатора въ качествѣ третьяго лица по предъявленному къ нему иску, ибо отъ него требуютъ очистки, т. е. уплаты денежной суммы въ возмѣщеніе убытковъ, а ему предоставлено лишь требовать уничтоженія договора, если договоръ этотъ убыточенъ. Такимъ образомъ, вмѣсто особаго покровительства, какое, по мнѣнію палаты, законъ желалъ оказать покупщику съ публичнаго торга, этотъ послѣдній оказался бы въ худшемъ положеніи сравнительно съ другими контрагентами по договору купли-продажи.

Можетъ казаться, что всѣ эти разсужденія

излишни теперь, когда въ разсматриваемомъ нами рѣшеніи № 8 уже отвергнутъ прежній неправильный взглядъ, и Пр. Сенатъ устанавливаетъ новый тезисъ: „къ новому пріобрѣтателю имѣть съ имѣніемъ, несомнѣнно, переходить и право ограждать имѣніе отъ посторонняго лица (арендатора) то право, которымъ помимо своей воли не воспользовался покущикъ имѣнія съ публичнаго торга и не можетъ уже воспользоваться послѣ отчужденія имъ имѣнія въ другія руки“. Но дѣло въ томъ, что какъ въ рѣшеніи за 1877 г. Пр. Сенатъ безапелляціонно сослался на буквальный смыслъ 1100 ст., такъ и теперь, высказывая противоположный взглядъ, Сенатъ не анализируетъ разсматриваемаго постановленія. Единственное приводимое соображеніе заключается въ томъ, что „отрицать право частнаго правопреемника покупателя значило бы допустить тотъ логически несообразный выводъ, что сдѣлка, не пользующаяся охраной закона, какъ противорѣчащая ему съ самаго начала, ограждается тѣмъ же самымъ закономъ, коль скоро во время дѣйствія этого закона самая сдѣлка осталась въ безгласности“. Но это единственное соображеніе прямо противорѣчитъ совершенно правильному разъясненію Пр. Сената, данному въ рѣшеніи № 114 за 1881 г., въ коемъ установлено, что „арендный договоръ, заключенный по имѣнію, на которое обращено взысканіе, но не бывшій въ виду при публичной продажѣ имѣнія, не считается по этой причинѣ недѣйствительнымъ самъ собою... и что обязательная сила такого договора для покупателя имѣнія уничтожается не съ момента продажи имѣнія (не говоря уже о моментѣ заключенія договора), а лишь со времени предъявленія покупщикомъ иска объ уничтоженіи договора“. Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы сдѣлка не пользовалась охраной закона, какъ противорѣчащая ему съ самаго начала, и слѣд., единственное соображеніе, приведенное въ подтвержденіе новаго взгляда, оказывается неубѣдительнымъ. Всѣ же остальные разсужденія Сената направлены исключительно къ тому, чтобы уяснить истинный смыслъ упомянутого рѣшенія за 1877 г. и доказать, что оно не имѣетъ отношенія къ настоящему дѣлу.

Такое обращеніе къ прежнимъ рѣшеніямъ, не касающимся разсматриваемаго вопроса, довольно часто встрѣчается въ послѣднихъ сборникахъ. Такъ, особенно это бросается въ глаза въ рѣшеніи № 6, касающемся вопроса о послѣдствіяхъ процессуальнаго преемства. Крестьянинъ Потапочкинъ предъявилъ искъ къ Балтійскому судостроительному и механическому заводу; дѣло производилось въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства. Въ теченіе процесса заводъ перешелъ въ собственность казны, послѣ чего и возникъ вопросъ: „въ силу факта вступленія казны въ дѣло взамѣнъ первоначальнаго отвѣтчика (частнаго общества) должны ли къ дальнѣйшему производству дѣла быть примѣняемы всѣ

установленныя для казны процессуальныя особенности?“ Пр. Сенатъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, причемъ въ высказанныхъ Сенатомъ соображеніяхъ мы встрѣчаемъ не столько обоснованіе такого отвѣта, сколько доказательства того, что нѣсколько старыхъ рѣшеній, на которыя сослался истецъ, и въ которыхъ установленъ былъ взглядъ, что продолжительность апелляціоннаго срока зависитъ отъ того, какимъ порядкомъ дѣло дѣйствительно производилось, — не относятся къ настоящему дѣлу. Доказавъ это, Пр. Сенатъ продолжаетъ: „подчиненіе такого, ставшаго казеннымъ, дѣла въ дальнѣйшемъ его производствѣ сокращенному порядку, вопреки разуму 1289 ст., явилось бы произвольнымъ ограниченіемъ предоставленныхъ сторонамъ правъ на болѣе продолжительные процессуальные сроки“. Очевидно, однако, что выводъ не соответствуетъ посылкѣ: если тѣ рѣшенія, на которыя сторона сослалась, и не относятся къ дѣлу, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ данномъ случаѣ слѣдовало примѣнять противоположный взглядъ. Въмѣсто того, чтобы анализировать рѣшенія, которыя не относятся къ дѣлу, можно было бы отыскать такія, которыя касаются даннаго вопроса: такъ, въ рѣшеніи за 1884 г. № 80 по поводу вступленія въ дѣло казеннаго управленія въ качествѣ 3-го лица Сенатъ разсуждалъ, что это обстоятельство не можетъ, въ силу лишь наличности вносимаго въ дѣло казеннаго интереса, измѣнить подсудность дѣла... Допустить противное сему толкованіе невозможно, при отсутствіи въ уставѣ гр. судопроизводства точныхъ правилъ въ разрѣшеніе тѣхъ затрудненій, которыя вслѣдствіе того возникли бы для истца, обратившаго свой искъ не противъ казеннаго управленія, а противъ отвѣтчика, не пользующагося на судѣ тою особенною подсудностью, которая предоставлена казеннымъ управленіямъ. Такое же затрудненіе, очевидно, неминуемо должно возникнуть и въ настоящемъ случаѣ процессуальнаго правопреемства казны, въ виду чего и нельзя было ограничиваться отрицательной критикой доводовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе противоположнаго взгляда, а необходимо было преподать судебнымъ инстанціямъ какія либо руководящія указанія для устраненія означенныхъ недоразумѣній. Намъ казалось бы, что такъ какъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ мѣсто универсальное правопреемство — общество прекращаетъ свое существованіе, и въ права и обязанности его вступаетъ казна, — то при отсутствіи въ законѣ, устанавливающимъ правопреемство казны, какихъ-либо особыхъ правилъ, здѣсь слѣдуетъ руководствоваться ст. 681—692 уст. гражд. суд., предусматривающими, порядокъ пріостановленія, возобновленія и уничтоженія производства въ случаѣ смерти тяжущагося. Поэтому, согласно 688 ст. все состоявшееся до перехода предпріятія въ казну

производство остается въ силѣ, дальнѣйшее же, по возобновленіи его установленнымъ порядкомъ, подчиняется всецѣло правиламъ Граждѣла III книги устава, такъ что, напр., дѣло, начатое въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, должно быть передано съ наступленіемъ правопреемства казны въ общія судебныя установленія, если оно не подходитъ подъ тѣ изъятія, о которыхъ упоминается въ ст. 1289. Но и за всѣмъ тѣмъ остается еще много вопросовъ, какъ напр. о самомъ порядкѣ передачи дѣлъ, объ оплатѣ переданныхъ прошеній дополнительной судебной пошлиной, о значеніи доказательствъ, могущихъ быть принятыми только въ мировыхъ суд. установленіяхъ и т. д. и т. д.,—которые едва ли могутъ быть разрѣшены по аналогіи и нуждаются въ урегулированіи законодательнымъ путемъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Два историческихъ процесса.

Palais de justice превращенъ въ вооруженную крѣпость: пѣшія и конныя войска охраняютъ дворецъ; кулуары наполнены національными гвардейцами; повсюду видны военныя каски; пропускаютъ только лицъ, снабженныхъ специальными карточками. Такой порядокъ продолжался всю недѣлю, пока одновременно въ двухъ сосѣднихъ аудиторіяхъ разбирались предъ разными судебными инстанціями два процесса, хотя и неравные по своему политическому и общественному значенію, но имѣющіе между собою духовную связь: предъ всѣми тремя соединенными палатами кассационнаго суда разбиралось дѣло Дрейфуса по вопросу о пересмотрѣ процесса 1894 года; предъ сенскимъ ассизнымъ судомъ разсматривалось дѣло по обвиненію депутатовъ Поля Деруледа и Марсея Габера въ попыткѣ возмутить войска съ цѣлью ниспровергнуть существующій во Франціи государственный строй и измѣнить форму правленія. Мы начнемъ съ перваго и разсмотримъ исключительно его юридическую сторону, которую такъ превосходно анализировалъ въ своемъ докладѣ Балло-Вопре.

Главный вопросъ, который нужно было разрѣшить, заключался въ томъ, имѣются-ли на лицо тѣ *новые факты* (faits nouveaux), наличность которыхъ, согласно закону 1895 года, необходима для пересмотра уголовныхъ процессовъ.

Съ легкой руки Кене-де-Ворепэра, противники пересмотра создали особую юридическую теорію пересмотра уголовныхъ дѣлъ; въ силу этой, столько же оригинальной, сколько и нелѣпой теоріи, пересмотръ процесса возможенъ только тогда, когда *материально доказана невиновность осужденнаго*. По справедливому замѣчанію Балло-Вопрэ въ его докладѣ, такое толкованіе рѣзко противорѣчитъ закону: въ самомъ дѣлѣ, кассационный судъ можетъ отослать осужденнаго къ новому составу суда для вторичнаго разсмотрѣнія дѣла (cassation avec renvoi); такого правила, конечно, не существовало бы, если бы

законодатель желалъ, чтобы самъ кассационный судъ получилъ доказательство невиновности. Смыслъ закона тотъ, что необходимо указать новые факты, которые заставляютъ серьезно сомнѣваться въ виновности осужденнаго. Вся судебная практика единогласно склонялась къ такому толкованію закона о пересмотрѣ уголовныхъ процессовъ. Такъ, въ цѣломъ рядѣ рѣшеній уголовной камеры кассационнаго суда, какъ на мотивъ пересмотра процесса, указывается на *сомнѣніе* въ виновности осужденнаго лица: „attendu que les doutes les plus sérieux existent sur la culpabilité...“ (Рѣш. 25 января 1886 г. по д. Naudin). Въ разсужденіяхъ Conseil d'Etat, разсматривавшаго предварительный проектъ закона о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ, указывается, что „приговоръ, вошедшій въ законную силу, можетъ быть измѣненъ только тогда, если имѣется увѣренность или *достаточно серьезное предположеніе* о возможности судебной ошибки“...

Разрѣшивъ такимъ образомъ этотъ первый вопросъ, установивъ смыслъ закона, докладчикъ перешелъ къ разбору тѣхъ новыхъ фактовъ, которые указаны какъ въ письмѣ министра юстиціи, такъ и въ меморандумѣ защитника Дрейфуса, извѣстнаго адвоката Морнара. Для того, чтобы читатели могли ориентироваться, мы въ нѣсколькихъ словахъ освѣжимъ въ памяти главнѣйшіе этапные пункты, черезъ которые проходилъ этотъ процессъ. Капитанъ Дрейфусъ былъ преданъ суду 19 декабря 1894 года по обвиненію въ государственной измѣнѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 76 ст. Code Pénal. 22 декабря военный судъ единогласно вынесъ обвинительный вердиктъ. Единственнымъ основаніемъ преданія Дрейфуса суду было перехваченное въ германскомъ посольствѣ, въ Парижѣ, нигѣмъ не подписанное и не датированное письмо, извѣстное подъ именемъ „бордеро“, въ которомъ перечислялись документы, выданные иностранной державѣ. Семья осужденнаго не допускала возможности подобнаго преступленія со стороны Альфреда Дрейфуса, считала приговоръ военного суда, постановленный при закрытыхъ дверяхъ, неправильнымъ и осужденнаго капитана жертвой судебной ошибки. Черезъ полтора года постепенно обнаружился цѣлый рядъ фактовъ, заставлявшихъ сомнѣваться въ безошибочности приговора. Д-ръ Жиберъ, другъ покойнаго президента Феликса Фора, случайно узналъ отъ послѣдняго, что, кромѣ бордеро, улики противъ Дрейфуса были еще другіе документы, которые не были извѣстны ни подсудимому, ни его защитнику и которые были показаны только судьямъ въ совѣщательной комнатѣ. Вскорѣ затѣмъ въ газетѣ „Matin“ было опубликовано знаменитое бордеро. Несходство почерка бордеро съ почеркомъ Дрейфуса поразило всѣхъ, и тогда же узнали, что изъ пяти экспертовъ двое категорически отрицали, чтобы Дрейфусъ былъ авторомъ бордеро. Сообщеніе Ф. Фора находить подтвержденіе въ сообщеніи инспирируемой генеральнымъ штабомъ газеты „L'Eclair“ о томъ, что судьямъ было представлено письмо нѣмецкаго военного агента полковника Шварцкопфена къ итальянскому военному агенту Паницарди; въ письмѣ этомъ находилась фраза: „...этотъ каналья Дрейфусъ становится слишкомъ требовательнымъ...“ Черезъ нѣсколько дней обнаружилось, что въ

этомъ письмѣ Дрейфусъ не былъ названъ, а стояло только „se capaille de D...“ Кампанія принимаетъ бурный характеръ. Министерству Мелина приходится отвѣчать на цѣлый рядъ запросовъ. Въ концѣ 1897 года братъ осужденнаго, Матье Дрейфусъ, съ одной стороны и новый начальникъ развѣдочнаго бюро Пикарь съ другой стороны открываютъ, что почеркъ бордеро тождественъ съ почеркомъ маіора Эстергази. Противъ Пикара начинается цѣлый рядъ интригъ и анонимныхъ угрозъ, и его удаляютъ въ африканскія войска. Матье Дрейфусъ подаетъ военному министру доносъ, въ которомъ обвиняетъ Эстергази въ измѣнѣ, за которую осужденъ его братъ, и объявляетъ Эстергази авторомъ бордеро. Военный судъ оправдываетъ Эстергази. На другой день появляется знаменитое письмо Зола „J'accuse“. 7 февраля начинается процессъ Зола, во время котораго главный свидѣтель противъ Дрейфуса въ процессѣ 1894 года полковникъ Анри, произнесъ свое знаменитое „allons'y“, указывая, что въ развѣдочномъ бюро имѣется цѣлый рядъ доказательствъ виновности Дрейфуса, обнаруженныхъ послѣ его осужденія,— между прочимъ, еще одно письмо Шварцкопшена къ Паницарди, въ которомъ Дрейфусъ названъ полнымъ именемъ. Генералы Пеллье и Буадефръ приводятъ текстъ этого письма, и присяжные осуждаютъ Зола. Министерство Мелина выходитъ въ отставку, появляется новый кабинетъ Бриссона. Отвѣчая на запросъ о дѣлѣ Дрейфуса, военный министръ Кавеньякъ читаетъ съ парламентской трибуны документы, указывающіе на его виновность; палата единогласно постановляетъ афишировать рѣчь Кавеньяка. На другой день Пикарь пишетъ министру-президенту письмо, въ которомъ доказываетъ, что изъ четырехъ документовъ, читанныхъ Кавеньякомъ, три не относятся къ Дрейфусу, а четвертый подложный; а черезъ нѣсколько дней самъ Кавеньякъ открываетъ, что авторъ этихъ подлоговъ полковникъ Анри, который трагически убиваетъ себя въ тюрьмѣ Mont-Valérien. Послѣ этого пересмотръ рѣшенія кабинетомъ Бриссона; разоблаченія идутъ одно за другимъ, и обнаружено: 1) фактъ представленія секретныхъ документовъ исключительно судьямъ въ совѣщательной комнатѣ (показанія Казимира Перье, генераловъ Мерсье и Буадефра); 2) судьямъ было представлено шесть документовъ, изъ которыхъ два не относятся къ Дрейфусу, а четыре поддѣльны; 3) на судѣ имѣло огромное влияние показаніе Анри, который клятвенно увѣрялъ, что Дрейфусъ измѣнникъ (показанія предъ кассационнымъ судомъ одного изъ членовъ военнаго совѣта 1894 г. полковника Фрейштетера и бывшаго префекта полиціи Ленина); 4) въ генеральномъ штабѣ были завѣдомо искажены текстъ дипломатической телеграммы Паницарди итальянскому правительству о дѣлѣ Дрейфуса, и когда министерство иностранныхъ дѣлъ возстановило подлинный текстъ, генеральный штабъ уничтожилъ его, и оставилъ въ своемъ dossier (которое было секретно сообщено судьямъ) подложный (показанія Палеолога и капитана Канье), и въ 5) генеральный штабъ имѣлъ цѣлый рядъ подозрительныхъ сношеній съ Эстергази, имѣвшихъ цѣлью выгородить его отъ обвинения въ измѣнѣ.

Въ письмѣ министра юстиціи Сарррена къ гене-

ральному прокурору при кассационномъ судѣ Маню отъ 2 октября 1898 года указывается на слѣдующіе два факта, могущіе „établir l'iposence de l'accusé“: 1) подлогъ Анри, колеблющій довѣріе къ его свидѣтельскимъ показаніямъ, и 2) противорѣчія въ экспертизѣ бордеро въ процессѣ 1894 года и въ процессѣ Эстергази въ 1898 году. Къ этимъ двумъ фактамъ адвокатъ Морнаръ въ своемъ обширномъ меморандумѣ прибавилъ еще слѣдующіе: 1) представленіе суду секретныхъ документовъ, изъ которыхъ ни одинъ не относился къ Дрейфусу; 2) измѣненіе даты бордеро: въ процессѣ 1894 года, бордеро считали написаннымъ въ апрѣлѣ этого года; въ процессѣ Зола свидѣтели показывали, что бордеро, судя по его содержанію, могло быть писано только въ августѣ или сентябрѣ 1894 г.; 3) невозможность ни по почерку, ни по содержанію считать Дрейфуса авторомъ бордеро, и очевидность, что его авторомъ является маіоръ Эстергази; 4) цѣлый рядъ подлоговъ, обнаруженныхъ уже послѣ представленія министра юстиціи, и 5) сношенія главнаго штаба съ Эстергази и его интриги противъ Пикара. Всѣ эти факты въ совокупности несомнѣнно доказываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ очевидной судебной ошибкой, и что нужно пересмотрѣть процессъ 1894 г. Тѣ же приблизительно тезисы развивалъ въ своей реквизиторіи генеральный прокуроръ Маню. Докладчикъ Балло-Бопре находилъ, что какъ бы ни были многочисленны нарушенія законовъ въ процессѣ 1894 г., какъ бы ужасны ни были преступленія и подлоги, совершенныя впоследствии и обнаруженные слѣдствіемъ, произведеннымъ уголовной камерой кассационнаго суда— всего этого недостаточно для пересмотра процесса 1894 г. Подлогъ Анри, подозрительныя сношенія нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба съ Эстергази — все это факты, совершившіеся послѣ процесса 1894 г.; военный совѣтъ, судившій Дрейфуса, ихъ совершенно не имѣлъ въ виду, когда произносилъ свой приговоръ; онъ судилъ вполне добросовѣстно и независимо; даже то обстоятельство, что показаніе Анри имѣло большое влияние на судъ, тоже не составляетъ „fait nouveau“, требуемаго закономъ; для того чтобы оно составляло новый фактъ, нужно доказать: 1) что всѣ судьи основывали свое мнѣніе именно на показаніи Анри; 2) что онъ лжесвидѣтельствовалъ предъ военнымъ трибуналомъ 1894 г. Даже сообщеніе секретныхъ документовъ однимъ только судьямъ въ совѣщательной комнатѣ составляетъ, конечно, грубѣйшее нарушеніе правъ защиты, и вполне достаточно этого одного факта для полной отмѣны всего производства 1894 г., но: 1) для этого необходимо новое предписаніе министра юстиціи и 2) законъ 1 марта 1899 г. (о dessaisissement) предоставилъ всѣмъ соединеннымъ палатамъ кассационнаго суда право пересмотра, но не отмѣны производства; это послѣднее принадлежитъ по прежнему уголовной камерѣ. Главнымъ и единственнымъ фактомъ („la base unique d'accusation“) для обвинения Дрейфуса является бордеро, и пока мы не уничтожимъ этого главнаго пункта, пока мы матеріально не докажемъ, что бордеро писано другимъ лицомъ, а не Дрейфусомъ, до тѣхъ поръ нѣтъ мѣста пересмотру. Но здѣсь въ этомъ процессѣ мы можемъ доказать, что авторомъ бордеро является другое лицо. „Глубоко изучивъ дѣло, тщательно про-

встривъ все документы, сказалъ прочувствованнымъ голосомъ Балло-Бопре, съ полнымъ сознаниемъ принимаемой ответственности, я объявляю, что бордеро писано Эстергази“. Трудно передать волнение, которое охватило всю аудиторию: голос докладчика дрожалъ, онъ едва удерживалъ слезы. „Дѣло это потрясло все челоѣчество; говорили, что на карту поставлена честь арміи; это неправда: никогда честь арміи не требовала, чтобы держали невиннаго челоѣка на каторгѣ“. Разъ бордеро писано Эстергази, то нельзя предполагать, чтобы Дрейфусъ доставлялъ документы, перечисленные въ бордеро. Это обстоятельство, неизвѣстное судьямъ 1894 г., и составляетъ новый фактъ, вызывающій предположеніе о невинности Дрейфуса, и этого новаго факта вполне достаточно для пересмотра процесса. Кассационный судъ согласился съ доводами докладчика, отменилъ приговоръ 1894 г. и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ военный судъ города Rennes, ограничивъ предѣлы разсмотрѣнія однимъ вопросомъ: „совершилъ ли Дрейфусъ въ 1894 г. измѣну... доставивъ непріятелю документы, перечисленные въ бордеро“; а въ одномъ изъ своихъ „attendu que...“ кассационный судъ признаетъ, что бордеро писано другимъ лицомъ, а не Дрейфусомъ. При такихъ условіяхъ новый судъ надъ Дрейфусомъ будетъ одной формальностью, и этимъ, ставшимъ отнынѣ историческимъ рѣшеніемъ, произнесеннымъ 3 іюня 1899 г., исправлена одна изъ чудовищнѣйшихъ судебныхъ ошибокъ.

Дѣло Деруледа и Габера, конечно, далеко не имѣетъ того политическаго и общественнаго значенія, какъ дѣло Дрейфуса, но находится съ этимъ послѣднимъ въ близкой духовной связи: въ дѣлѣ Деруледа, въ показаніяхъ свидѣтелей-націоналистовъ и антисемитовъ, военныхъ, членовъ различныхъ лигъ можно было видѣть въ лицахъ всю реакціонную Францію, все тѣ вредные, негодные ея элементы, которые готовы разрушить все, что Франція дала прекраснаго; здѣсь, въ этой биткомъ набитой залѣ, вы попадали въ ту атмосферу, въ которой только и могло возникнуть такое позорное дѣло, какъ дѣло Дрейфуса. Преступленіе, въ которомъ обвинялись Деруледъ и Габеръ, очень несложно. Въ день похоронъ Феликса Фора, когда бригада генерала Роже подходила къ своимъ казармамъ, расположеннымъ на улицѣ Revilly, Деруледъ и Габеръ подбѣжали къ нимъ, и первый изъ нихъ, схвативъ за узду лошадь генерала Роже, крикнулъ: „Въ Елисейской дворецъ, генераль! Спасите насъ, спасите Францію; друзья насъ ожидаютъ! Это будетъ военное 4 сентября безъ пролитія крови! За мной, генераль!“ Стоявшій тутъ же Марсель Габеръ крикнулъ: „Въ Парижъ! Идите съ нами на Елисейскій дворецъ“. Генераль велѣлъ войскамъ идти въ казармы; но такъ какъ Деруледъ и Габеръ не отставали и тамъ и обращались къ солдатамъ съ зажигательными рѣчами, то Роже былъ принужденъ арестовать ихъ обоихъ и предать въ руки правосудія. Сначала думали, что здѣсь былъ правильно организованный заговоръ. Но мысль эту скоро пришлось оставить: никакихъ союзниковъ у Деруледа и Габера не было; они дѣйствовали за собственный счетъ и были преданы суду по обвиненію въ томъ, что насильственно ворвались въ казармы съ цѣлью возмутить войска, т. е.

въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ §§ 23, 24, 25, 45 и 49 закона 29 іюля 1881 года. Поль Деруледъ—это одна изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ: по характеру своему, открытому и благородному, по своимъ сумасшедшимъ поступкамъ онъ очень походитъ на Донъ-Кихота. Создавши въ своей головѣ совершенно нелѣпую фантазію о плебисцитарной республикѣ съ диктаторомъ во главѣ, онъ преслѣдуетъ эту идею всю жизнь, готовый отдать все: свои знанія, поэтическій талантъ, безумное мужество и деньги. Онъ никогда не скрывалъ своихъ убѣжденій, боролся съ парламентаризмомъ открыто, и настоящій процессъ является въ сущности вторымъ изданіемъ процесса 1886 года, когда Деруледъ, стоя во главѣ лиги патриотовъ, волновалъ населеніе слишкомъ горячей пропагандой доблестей генерала Буланже. Длинная худая фигура, большой носъ и классическій, до земли, рединготъ—все это удивительно подходитъ къ Донъ-Кихоту XIX столѣтія, который нашелъ себя върнаго Санхо-Пансо въ лицѣ Марселя Габера. Во время предварительнаго и судебного слѣдствія Деруледъ остался вѣренъ себѣ, говорилъ, что онъ хотѣлъ произвести безкровную народную революцію при поддержкѣ арміи; въ длинной, очень горячей, но совершенно непослѣдовательной рѣчи изложилъ свои идеалы плебисцитарной республики и произносилъ грозныя филиппики противъ современнаго французскаго парламентаризма и его слугъ, до главы государства включительно. Защита пригласила массу свидѣтелей à décharge: націоналистовъ, клерикаловъ, антисемитовъ; здѣсь были Леметръ, Коппэ, Лазисъ и пресловутый Кене-де-Борепэръ. Показанія этихъ свидѣтелей—беззастѣнчивыя, наглыя, дышація нетерпимостью, челоѣвѣконенавистничествомъ—производили тягостное впечатлѣніе и развернули ужасную картину; Кене-де-Борепэръ, одинаково не стѣсняющійся съ правдой и юриспруденціей, произнесъ настоящую обвинительную рѣчь противъ президента Лубэ; Лазисъ, депутатъ, не стѣняясь, говорилъ о томъ, что господствуетъ теперь не республика, а анархія, и что если бы такіе черные люди, какъ онъ и Деруледъ, стояли во главѣ правительства, то все, смѣющіе имѣть другіе политическіе взгляды, чѣмъ они, были бы ими гильотинированы, или сосланы на каторгу; нашелся даже генераль (!) Эрве, который назвалъ поступокъ Деруледа лойальнымъ.

Присяжные засѣдатели оправдали Деруледа. Какъ сказалъ одинъ изъ присяжныхъ интервьюированному его репортеру, въ поступкахъ сумасшедшаго они не могли признать государственнаго преступленія.

В. Б.

Матеріалы Гаагской конференціи.

Созванная въ Гаагѣ 6 мая конференція является несомнѣнно крупнымъ событіемъ въ области международныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, несмотря на всю новизну задачи, преслѣдуемой на этой конференціи дипломатическими представителями всѣхъ культурныхъ государствъ, обстановка работы осталась старая—почти все покрыто едва проникаемой даже и для самыхъ опытныхъ корреспондентовъ канцелярской тайной. Засѣданія закрыты для представителей печати, протоколы не подлежатъ оглашенію.

Мало того, какъ сообщаетъ гаагскій корреспондентъ „New-York-Herald“, президентъ различныхъ секцій и комитетовъ очень недовольны тѣмъ, что въ некоторые делегаты даютъ свидѣнія журналистамъ о ходѣ работъ конференціи. Делегатамъ сдѣланы соотвѣтствующія представленія, что работа конференціи должна быть сохраняема въ строжайшей тайнѣ, и что въ противномъ случаѣ могутъ пострадать результаты конференціи. Приняты строжайшія мѣры, чтобы держать журналистовъ вдали отъ конференціи, и даже сами делегаты будутъ охраняться, для того, чтобы предупредить дальнѣйшія разоблаченія.

Конечно, всѣ эти мѣры не могли предотвратить появленія въ печати цѣлаго ряда сообщений о ходѣ работъ конференціи. Многочисленность этихъ извѣстій является, повидимому, прямымъ результатомъ, той тайны, которую такъ тщательно облачаютъ труды конференціи, такъ какъ она возбуждаетъ фантазіи корреспондентовъ, жаждущихъ какихъ-нибудь извѣстей. Лучшимъ свидѣтельствомъ недостоверности проникшихъ въ печать извѣстій можетъ служить сообщеніе газетамъ предложеніе представителя Германіи графа Мюнстера опубликовать протоколы конференціи во избѣжаніе дальнѣйшаго появленія совершенно невѣрныхъ извѣстій о ходѣ ея работъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности въ настоящее время серьезно останавливаться на вопросѣ о тѣхъ результатахъ, которыхъ можно ожидать отъ работъ конференціи, не вдаваясь въ область болѣе или менѣе произвольныхъ предположеній. Но несомнѣнно, что совершенно независимо отъ этихъ конечныхъ практическихъ результатовъ, тѣ проекты, которые Россіей, Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Англіей переданы на обсужденіе конференціи, представляютъ огромный интересъ. Они свидѣлствуютъ о томъ, что идея устраненія войны, какъ способа разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, изъ области мечтаній переходитъ въ сферу практическихъ задачъ государственныхъ дѣятелей, причемъ эти проекты служатъ крайне характерными показателями того, въ какой мѣрѣ эти задачи осуществимы по крайней мѣрѣ въ сколько нибудь близкомъ будущемъ. При обсужденіи какъ степени осуществимости этихъ проектовъ, такъ съ другой стороны и того, въ какой мѣрѣ „осторожность“, если можно такъ выразиться, проектомъ въ борьбѣ съ войной обусловливается современными международными отношеніями, необходимо сопоставить съ работами конференціи сообщенное на дняхъ газетамъ извѣстіе о томъ, что Англія отказалась передать на обсужденіе третейскаго суда конфликтъ въ Трансваалѣ.

Печатаемые ниже проекты относятся исключительно къ вопросамъ миролюбиваго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ. Предложенія Россіи по вопросу о борьбѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ армій и усовершенствованій ихъ вооруженія въ подробностяхъ очень мало извѣстны и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, не могутъ разсчитывать ни на какой успѣхъ.

Русскій проектъ тройственнаго суда, полный текстъ котораго былъ впервые опубликованъ въ „Vaerland“ („Сынъ От.“ № 136) распадается на три отдѣла: услуги и посредничество, международный третейскій судъ и международная слѣдственная коммиссія.

I. Услуги и посредничество.

§ 1. Имѣя цѣлью затруднить примѣненіе военной силы въ международныхъ отношеніяхъ въ возможно большей степени, договаривающіяся державы соглашаются приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы устраивать мирными средствами несогласія, могущія возникнуть между ними.

§ 2. Въ слѣдствіе этого, договаривающіяся державы постановили, что въ случаѣ серьезнаго несогласія

или спора, онѣ будутъ, до примѣненія оружія, прибѣгать къ услугамъ и посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ, насколько это допустятъ обстоятельства.

§ 3. Въ томъ случаѣ, если спорящія державы обращаются къ посредничеству по своей доброй волѣ, посредствующее правительство имѣетъ цѣлью согласовать противорѣчащія требованія и умиротворить враждебное настроеніе, которое можетъ охватить спорящія державы.

§ 4. Задача посредствующаго правительства кончается съ того момента, когда предложенное имъ основаніе мирнаго соглашенія будетъ отвергнуто одною изъ спорящихъ державъ.

§ 5. Державы признаютъ полезнымъ, чтобы, въ случаѣ серьезнаго несогласія или спора между культурными государствами, касающагося ихъ политическихъ интересовъ, независимо отъ того, обратятся ли спорящія державы къ услугамъ и посредничеству не участвующихъ въ спорѣ державъ или нѣтъ, послѣднія по своей доброй волѣ и, насколько это допустятъ обстоятельства, предлагали бы спорящимъ державамъ свои услуги и посредничество, съ цѣлью устранить возникающія несогласія и предложить мирное рѣшеніе, способное примирить наилучшимъ образомъ интересы спорящихъ сторонъ, не затрагивая интересовъ другихъ государствъ.

§ 6. Само собою разумѣется, что посредничество и услуги, независимо отъ того, потребованы ли они спорящими державами или предложены по доброй волѣ нейтральныхъ державъ, носятъ строгій характеръ дружественныхъ совѣтовъ и не имѣютъ ни въ какомъ случаѣ обязательной силы.

II. Международный третейскій судъ.

§ 7. Въ случаяхъ, гдѣ споръ касается вопросовъ права и въ особенности въ тѣхъ, гдѣ дѣло идетъ о примѣненіи и толкованіи дѣйствующихъ договоровъ, подписавшіяся державы признаютъ третейскій судъ наиболѣе дѣйствительнымъ и справедливымъ средствомъ рѣшенія споровъ дружественнымъ путемъ.

§ 8. Договаривающіяся державы обязуются прибѣгать къ третейскому суду въ вопросахъ вышеупомянутой категоріи, насколько они не затрагиваютъ жизненныхъ интересовъ и національной чести спорящихъ сторонъ.

§ 9. Каждое государство остается единственнымъ судьей въ вопросѣ, долженъ ли тотъ или другой случай подвергнуться рѣшенію третейскаго суда, исключая случаи, поименованные въ слѣдующемъ параграфѣ, въ которыхъ подписавшіяся державы признаютъ третейскій судъ обязательнымъ.

§ 10. Послѣ ратификаціи настоящаго договора, третейскій судъ обязателенъ для подписавшихся державъ въ слѣдующихъ случаяхъ, поскольку въ нихъ не затрагиваются ни жизненные интересы ни національная честь спорящихъ сторонъ. Въ случаяхъ несогласій или споровъ, касающихся денежныхъ исковъ, поддерживаемыхъ какимъ-нибудь государствомъ; въ случаѣ несогласія относительно толкованія и примѣненія нижепоименованныхъ трактатовъ и конвенцій: почтовыхъ, телеграфныхъ, железнодорожныхъ договоровъ и такихъ, которые касаются охраненія морскихъ кабелей; соглашеній о мѣрахъ предупрежденія столкновенія судовъ на морѣ; конвенцій о навигации на международныхъ рѣкахъ и въ междуокеанскихъ каналахъ; конвенцій относительно охраненія литературной и художественной собственности, промышленной собственности, патентовъ и торговыхъ марокъ; монетныхъ и метрическихъ конвенцій; санитарныхъ конвенцій и т. д.

§ 11. Вышеприведенный списокъ можетъ быть пополненъ послѣдовательными соглашениями подписавшихся державъ. Кромѣ того, каждая держава имѣетъ право войти въ специальное соглашеніе съ другой державой, съ цѣлью сдѣлать третейскій судъ

обязательнымъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, въ общей ретификаціи, а также распространить примѣненіе третейскаго суда и на всѣ случаи, которые, по ея мнѣнію, могутъ быть подвергнуты его рѣшенію.

§ 12. Во всѣхъ другихъ случаяхъ международнаго конфликта, не поименованныхъ въ предыдущихъ параграфахъ, настоящимъ договоромъ признается желательнымъ третейскій судъ, примѣненіе котораго, однако, остается произвольнымъ, т. е. онъ можетъ быть примѣненъ только по самостоятельной инициативѣ одной изъ спорящихъ сторонъ и ясно выраженному желанію другой.

§ 13. Съ цѣлью облегчить доступъ къ третейскому суду и его примѣненію, подписавшіяся державы постановили выработать общія правила примѣненія международнаго третейскаго суда и основные принципы, которые должны быть положены въ основаніе составленія процессуальныхъ правилъ, по которымъ будетъ совершаться слѣдствіе въ спорномъ вопросѣ и объявленіе рѣшенія судьей. Примѣненіе этихъ основныхъ принциповъ, равно какъ и процессуальныхъ правилъ третейскаго суда, указанное въ прибавленіи къ настоящему параграфу, можетъ быть измѣнено специальнымъ соглашеніемъ державъ, которыя обратятся къ третейскому суду.

III. Международная слѣдственная коммиссія.

§ 14. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возникаютъ разногласія между подписавшимися державами, въ связи съ мѣстными обстоятельствами, которыя порождаютъ споръ международнаго характера, не могущій быть улаженнымъ обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ, но въ которомъ не затрогиваются ни жизненные интересы спорящихъ державъ ни ихъ национальная честь, заинтересованныя державы соглашаются назначать международную слѣдственную коммиссію, которая должна на мѣстѣ выяснитъ причины несогласія путемъ безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія всѣхъ вопросовъ относительно даннаго случая.

§ 15. Эти международныя коммиссіи должны быть составлены по слѣдующему плану:—Каждое изъ заинтересованныхъ правительствъ назначаетъ двухъ членовъ, а четверо назначенныхъ членовъ избираютъ еще пятого члена, который и будетъ въ то же самое время президентомъ коммиссіи. Если голоса относительно избранія президента раздѣлятся по ровну, то оба заинтересованныя правительства обращаются или къ другому правительству, или къ третьей державѣ, которая и назначитъ президента коммиссіи.

§ 16. Правительства, между которыми возникаетъ серьезное разногласіе или конфликтъ при вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ, обязуются дать слѣдственной коммиссіи всѣ средства и облегченія, необходимые для полнаго и добросовѣстнаго изученія фактовъ.

§ 17. Международная слѣдственная коммиссія, познакомившись съ обстоятельствами, въ которыхъ возникли конфликтъ или разногласіе, представить заинтересованнымъ державамъ отчетъ, подписанный всѣми членами коммиссіи.

§ 18. Отчетъ слѣдственной коммиссіи ни въ коемъ случаѣ не долженъ имѣть характеръ третейскаго рѣшенія. Онъ предоставляетъ находящимся въ конфликтѣ правительствамъ, полную свободу или заключить дружественное соглашеніе на основаніи этого отчета, или прибѣгнуть, заключая соглашеніе *ad hoc*, къ третейскому суду, или даже прибѣгнуть къ активнымъ мѣрамъ, позволятельнымъ державамъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Споръ о законности рожденія.

Въ № 10 „Права“ помѣщенъ былъ судебный отчетъ о засѣданіи гражданскаго кассационнаго департамента Сената по дѣлу о признаніи мѣщанина Дмеева законнорожденнымъ сыномъ дворянъ Ефимьевыхъ. На дняхъ это весьма интересное и съ бытовой и съ юридической стороны дѣло было вновь предметомъ судебного разсмотрѣнія.

Дмеевъ, признанный законнымъ сыномъ Ефимьевыхъ по рѣшенію окружнаго суда, вступившему въ законную силу, заявилъ свои наслѣдственные права къ имуществу, оставшемуся послѣ сестры отца его, вдовы генераль-лейтенанта Бибиковой, предъявивъ о семь искъ къ утвержденнымъ ранѣе въ правахъ наслѣдства Митусовымъ. Митусовы, заинтересованные въ отмѣнѣ рѣшенія, коимъ Дмеевъ былъ признанъ законнорожденнымъ, обратились съ просьбою о семь въ Правительствующій Сенатъ въ качествѣ третьихъ, неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ въ порядкѣ 795 ст. уст. гр. суд., но вмѣстѣ съ тѣмъ предъявили къ Дмеевову въ дѣлѣ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и встрѣчный искъ, требуя признанія Дмеева незаконнорожденнымъ.

Ходатайство о пересмотрѣ рѣшенія было оставлено Правительствующимъ Сенатомъ безъ удовлетворенія (см. вышеупомянутый отчетъ), и нынѣ подлежалъ разсмотрѣнію С.-Петербургскаго окружнаго суда встрѣчный искъ о признаніи Дмеева (нынѣ Ефимьева) незаконнорожденнымъ. Поддерживать этотъ искъ явились въ засѣданіе суда повѣренные Митусовыхъ и Корсаковыхъ, прис. пов. С. В. Унковскій и О. Я. Лемпертъ, противъ иска возражалъ пов. Дмеева пом. прис. пов. М. М. Винаверъ.

Прис. пов. Унковскій и Лемпертъ доказывали, что имъ ничего не было известно о томъ, что Дмеевъ добивается признанія его законнымъ сыномъ Ефимьевыхъ, вслѣдствіе чего они и не могли возражать противъ его ходатайства, что, такъ какъ удовлетвореніе этого ходатайства всецѣло поражаетъ наслѣдственные права Митусовыхъ, то они и заинтересованы въ томъ, чтобы Дмеевъ былъ вновь признанъ незаконнорожденнымъ.

Пом. прис. пов. Винаверъ указалъ, что законъ въ интересахъ общественнаго порядка ограничиваетъ кругъ лицъ, коимъ предоставлено право оспаривать законность рожденія. Въ этотъ кругъ входятъ родители и—въ случаѣ ихъ смерти—наслѣдники ихъ въ предѣлахъ установленнаго закономъ срока. Какъ бы ни были задѣты имущественные интересы лицъ, внѣ этого круга стоящихъ, лица эти не вправе заявлять споръ о самой законнорожденности. Митусовы не состоятъ наслѣдниками Ефимьева и потому правъ на заявленіе спора не имѣютъ, какъ бы они ни были имущественно заинтересованы. Слѣдовательно, знали они или не знали о ходатайствѣ Дмеева, совершенно безразлично: даже зная о немъ, они не могли бы противъ него возражать. Предоставляя опредѣленному кругу лицъ оспаривать законность рѣшенія, законъ присвоиваетъ рѣшеніямъ по такимъ спорамъ силу абсолютную, обязательную для всѣхъ и навсегда.—ибо лица, указанные закономъ, признаются *вообще* заинтересованными въ законномъ опредѣленіи правъ даннаго лица, независимо отъ даннаго конкретнаго имущественнаго интереса. Споръ же со стороны всякаго другаго лица могъ бы имѣть, на общемъ основаніи только *относительную* силу между данными тяжущимися и для даннаго дѣла. Допускать такой споръ только потому, что истецъ денежно заинтересованъ въ его исходѣ, значило бы устанавливать положеніе, при которомъ одно и то же лицо будетъ законнорожденнымъ вообще и незаконнорожденнымъ

для данного дѣла, по отношенію къ данному тя- жущемуся.

Окружный судъ опредѣлилъ: въ искѣ Митусо- выхъ отказать, утвердить Дмецова (нынѣ Ефимье- ва) въ правахъ наслѣдства ко всему движимому и недвижимому имуществу Бибиковой и отобрать та- ковое отъ Митусовыхъ и передать во владѣніе Дмецова.

Херсонскій окружный судъ.

*(Засвидѣтельствованіе цертепартіи безъ удостовѣренія
въ подлинности подписей).*

Въ уголовномъ отдѣленіи безъ участія присяж- ныхъ засѣдателей слушалось дѣло по обвиненію мѣстнаго нотаріуса А. П. Подпалова въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 ч. 1301 и 462 ст. ул. о нака- заніяхъ. Въ разсмотрѣніи дѣла участвовали: пред- сѣдательствующій г. Бѣлоусовъ, членъ суда Г. Г. Гегеръ и городской судья М. Г. Потоцкій. Со сто- роны обвинительной власти выступили товарищъ прокурора г. Ратьковъ, со стороны г. Подпалова присяж. повѣренный А. А. Гржибовскій. Самъ г. Под- паловъ въ судъ не явился.

При производствѣ слѣдствія по дѣлу Пекаря обнаружилось, что въ конторѣ Подпалова 23 ноября 1898 г. были засвидѣтельствованы цертепартіи отъ имени И. Соколова, А. Иванова, А. Сидоренко, Р. Да- нильченко, С. Черкаскога и Я. Иванова; акты эти съ имѣющимися уже на нихъ подписями назван- ныхъ лицъ доставлены были въ контору Подпалова Пекаремъ и переданы письмоводителю Лазареву. Послѣдній, довѣряя Пекарю, совершавшему въ кон- торѣ массу актовъ, и удовлетворяя его просьбу о за- свидѣтельствovanіи подписей на тѣхъ цертепартіяхъ, въ виду обѣщанія Пекаря, что всѣ названные ски- пера придутъ 29 ноября и роспишутся по книгѣ въ полученіи цертепартій, доложилъ подготовленные уже подписи о явкѣ нотаріусу Подпалову, заявляя, что всѣ скипера были въ конторѣ. Нотаріусъ скрѣ- пилъ тѣ акты своею подписью, а затѣмъ цертепартіи были вручены Пекарю безъ росписки по книгѣ лицъ, въ нихъ участвовавшихъ. Нотаріусу Подпа- лову Лазаревъ сказалъ, что скипера по книгѣ рос- писались. Такъ показалъ на допросѣ у судебного слѣдователя Лазаревъ. Подпаловъ въ данномъ имъ судебному слѣдователю показаніи и въ истребван- номъ отъ него судебною палатою объясненіи при- знаетъ, что надписи о засвидѣтельствovanіи подписей лицъ, въ означенныхъ актахъ участвовавшихъ, онъ подписалъ, не видя тѣхъ лицъ, а довѣряя лишь за- явленію письмоводителя Лазарева, что эти лица въ конторѣ были; росписокъ названныхъ скиперовъ въ книгѣ нѣтъ; только одного Я. Иванова Лазаревъ заставилъ росписаться по книгѣ, но когда Ивановъ узналъ, что росписка его касается цертепартіи, то подпись свою вычеркнулъ по книгѣ, причѣмъ Подпа- ловъ объясняетъ, что весной этого года въ конторѣ его совершенно было болѣе 100 скиперскихъ догово- ровъ, и подписи скиперовъ ему были извѣстны. По- этому въ подлинности подписей, весьма похожихъ на дѣйствительныя подписи скиперовъ, онъ не сомнѣвался, что и ввело его въ заблужденіе.

Скипера Черкаскій, Я. Ивановъ, Данильченко и другіе показали, что 23 ноября въ конторѣ Подпа- лова вовсе не были, бланковъ цертепартій для Пе- каря не подписывали, подписи ихъ на цертепартіяхъ подложны. Я. Ивановъ пояснилъ, что подпись его на цертепартіи похожа на его подпись, что Лазаревъ заставилъ его росписаться въ книгѣ, не обя- зывая сначала, въ чемъ дѣло; когда же онъ на дру- гой день узналъ, что росписался за цертепартію, то подпись свою по книгѣ вычеркнулъ. Тотъ же Ива- новъ и Черкаскій удостовѣрили, что Подпаловъ обѣщаль имъ и другимъ скиперамъ уплатить всѣ

убытки, лишь бы кончить дѣло миромъ. Представ- ленною Подпаловымъ роспискою Ю. Кобецаго удо- стовѣряется, что онъ получилъ полное удовлетворе- ніе и обратно всѣ деньги, выданныя имъ Пекарю по цертепартіямъ, подписи на коихъ засвидѣтель- ствованы Подпаловымъ. Такимъ образомъ на нота- ріуса Подпалова падаетъ обвиненіе въ томъ, что онъ утвердилъ своею подписью удостовѣреніе о подлин- ности подписей скиперовъ на указанныхъ выше двухстороннихъ договорахъ, не видя вовсе тѣхъ лицъ, кои входили въ договорныя отношенія и ограничившись лишь докладами письмоводителя своего о томъ, что тѣ лица въ контору являлись и цертепартіи собственноручно подписали, тогда какъ по закону (134 и 147 ст. нот. пол.) онъ обязанъ лично удостовѣриться въ томъ, что акты подписаны дѣйствительно тѣми лицами, кои въ нихъ значатся. Такое отношеніе нотаріуса Подпалова къ обязанно- стямъ своимъ предусматривается 1 ч. 1301 и 462 ст. 71 о нак. и влечетъ за собой удаленіе отъ должнос- ти съ воспрещеніемъ впредь исправлять такую же, т. е. наказаніе, которое налагается, за силою 3 п. 1066 ст. уст. пол. суд., не иначе, какъ по суду.

Изъ числа 8 свидѣтелей 2 не явились: скиперъ Черкаскій, не представившій объясненія причинъ неявки, и письмоводитель Лазаревъ, о смерти кото- раго суду извѣстно. Послѣ допроса скиперовъ, под- твердившихъ показанія, данныя ими у слѣдова- теля, допрошенъ былъ старшій служащій конторы Одноволовъ, показавшій, что въ конторѣ нотаріуса Подпалова былъ установленъ такой порядокъ: всѣ составляемые въ конторѣ акты до подачи нотаріусу предварительно разсматривались имъ, Одново- ловымъ, ставившимъ при этомъ узаконенныя печати, послѣ какового контроля бумаги препровождались г. Подпалову, но что въ настоящемъ случаѣ Лаза- ревъ, согласно его предъ Одноволовымъ сознанію, самъ поставилъ печати и удостовѣрилъ предъ Под- паловымъ, что скипера приходили въ контору лично и подписали цертепартіи. Такимъ образомъ, нота- ріусъ Подпаловъ дважды былъ введенъ въ заблу- жденіе относительно подлинности подписей скипе- ровъ. По ходатайству представителя обвиненія, то- варища прокурора г. Ратькова, былъ прочитанъ актъ осмотра цертепартій и отвѣтъ эксперта, въ ко- торомъ указано, что, исключая подписи Я. Иванова, имѣющей хотя бы нѣкоторое сходство съ его под- линной подписью, всѣ остальные подложныя под- писи на цертепартіяхъ рѣзко разнятся отъ дѣйстви- тельныхъ подписей скиперовъ Черкаскога, А. Ива- нова и др. По ходатайству защитника былъ огла- шенъ протоколъ допроса покойнаго Лазарева у слѣ- дователя. Затѣмъ слѣдствіе по дѣлу было объяв- лено законченнымъ и начались пренія сторонъ.

Первымъ говорилъ товарищъ прокурора г. Рать- ковъ, энергично поддерживавшій обвиненіе противъ нотаріуса Подпалова. Въ рѣчи своей товарищъ про- курора указалъ, что свидѣтельскія показанія под- твердили обстановку дѣла въ томъ видѣ, какъ она изложена въ обвинительномъ актѣ, въ которомъ судебная палата подвела дѣянія Подпалова подъ ст. 1301 и 462 улож. о наказ., благодаря полной на- личности въ дѣлѣ тѣхъ признаковъ, которые пре- дусмотрѣны названными статьями. Разбираясь среди обстоятельствъ дѣла, г. Ратьковъ указалъ на тѣ матеріальныя выгоды и исключительное положеніе, въ какое поставлены нотаріусы, на которыхъ соот- вѣтственно, съ этимъ законъ возлагаетъ и извѣст- ныя обязанности. Если г. Подпаловъ допустилъ, чтобы подписаніе цертепартій имѣло мѣсто не въ его присутствіи, онъ долженъ былъ бы позвать скиперовъ и опросить ихъ, ими ли сдѣланы под- писи. Далѣе, нѣкоторымъ оправданіемъ могло бы служить то обстоятельство, что Подпалову были извѣстны подписи этихъ лицъ. Сомнѣваемся, однако, чтобы это было возможно при массѣ работы въ конторѣ. Какъ здѣсь говорилъ Одноволовъ, онъ

самъ не могъ знать всѣхъ подписей шкиперовъ, хотя они были извѣстны ему въ лицо. Экспертиза также удостовѣрила несходственность подписей на цертепартияхъ съ подлинными подписями тѣхъ же лицъ. Если бы Подпаловъ дѣйствительно зналъ подписи, онъ бы не принялъ такъ грубо поддѣланныя за дѣйствительныя. Говорятъ, Подпаловъ удостовѣрилъ ихъ въ виду заявленія Лазарева, что шкипера приходили и подписывали цертепартии. Думаю, что это показаніе Лазарева создано *post factum*, ибо какая выгода Лазареву дѣлать явно незаконное, докладывать о томъ, чего въ дѣйствительности не было, когда такимъ путемъ онъ рисковалъ своей службой. Вѣроятно же всего, что Лазаревъ ничего не говорилъ и подалъ цертепартии съ заочно сдѣланными на нихъ подписями или же напротивъ поставилъ нотаріуса Подпалова въ извѣстность о всѣхъ подробностяхъ прихода Пекаря и его просьбы.

Защитникъ подсудимаго прис. пов. А. А. Гржибовскій въ своей рѣчи главнымъ образомъ коснулся слѣдующаго вопроса: является ли засвидѣтельствованіе подлинности подписей на цертепартияхъ совершеніемъ акта или же какимъ либо другимъ дѣйствіемъ, входящимъ въ кругъ обязанностей нотаріуса. Въ первомъ случаѣ, если такое дѣйствіе является совершеніемъ акта, нотаріусъ Подпаловъ подлежитъ, согл. 1301 и 462 ст. ул. о наказ. удаленію отъ должности, во второмъ же случаѣ, согласно 466 ст., какъ за преступленіе прямо не предусмотрено, Подпаловъ подлежитъ наказанію по 410 ст., т. е. выговору. Обращаясь за разрѣшеніемъ этого вопроса къ нотаріальному положенію, А. А. Гржибовскій указалъ, что на нотаріуса возлагается совершеніе троякаго рода актовъ: крѣпостныхъ, нотаріальныхъ и явочныхъ. При совершеніи всѣхъ этихъ актовъ нотаріусъ обязанъ удостовѣрить правоспособность сторонъ, совершающихъ актъ и затѣмъ допросить ихъ, дѣйствительно ли они по доброй волѣ желаютъ совершить актъ и понимаютъ ли они смыслъ и значеніе такового“ (83 и 89 ст. нотар. помож.). Уставъ гражданскаго судопроизводства (410 ст.) не допускаетъ, въ виду этого, опровергать содержаніе таковыхъ актовъ свидѣтельскими показаніями, между тѣмъ какъ при засвидѣствованіи только подлинности подписей сторонъ на договорахъ нотаріусъ не удостовѣряетъ правоспособности ихъ, не допрашиваетъ сторонъ объ ихъ доброй волѣ и пониманіи ими смысла. Такіе договоры, на коихъ нотаріусомъ свидѣлствуются только подписи, законъ (рѣшен. Сенат. 76 г. № 210) признаетъ домашними актами, соответственно чему допускается опроверженіе содержанія этихъ актовъ свидѣльскими показаніями. Отсюда очевидно, что разъ такіе акты являются домашними, нельзя утверждать, что они совершаются нотаріусомъ, между тѣмъ 462 ст. ул. о наказ. говорить о совершеніи нотаріусомъ актовъ съ удостовѣреніемъ точной воли, а 1301 ст. имѣетъ въ виду акты явочные; стало быть, противозаконное засвидѣтельствованіе Подпаловымъ подлинности подписей шкиперовъ на цертепартияхъ не можетъ быть толкуемо, какъ совершеніе акта и въ силу 466 ст. къ Подпалову должна быть примѣнена 410 ст., т. е. выговоръ болѣе или менѣе строгій. Во второй половинѣ своей рѣчи, защитникъ интересова Подпалова указалъ и такое обстоятельство, имѣющее непосредственное къ дѣлу отношеніе: согласно рѣшенію по дѣлу нотаріуса Навроцкаго, нотаріусъ подвергается удаленію отъ должности въ томъ случаѣ, если онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ удостовѣренію самоличности лица, подписывающаго договоръ; въ противномъ случаѣ, если мѣры были приняты, но не вполне достаточныя, нотаріусъ подвергается строгому выговору. Въ данномъ дѣлѣ письмоводитель Лазаревъ удостовѣрилъ передъ нотаріусомъ подлинность подписей на цертепартияхъ; съ другой стороны, на цертепартияхъ,

представленныхъ къ подписи нотаріусу, находились печати нотаріуса, свидѣтельствующія о томъ, что документы эти прошли контроль старшаго служащаго Однолова, хотя, какъ показалъ Лазаревъ Однолову, эти печати онъ, Лазаревъ, лично приложилъ и тайно отъ послѣдняго. Такимъ образомъ нѣкоторыя мѣры предосторожности въ данномъ дѣлѣ были, но не вполне достаточныя. Коснувшись еще показаній шкиперовъ, защитникъ затѣмъ ходатайствовалъ предъ судомъ о примѣненіи къ подсудимому 466 и 410 ст.

Окружный судъ постановилъ резолюцію: подвергнуть нотаріуса Подпалова строгому выговору въ присутствіи суда.

(Югъ).

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Ратификація конвенціи по частному международному праву.

Божією поспѣшествующею милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Вольянскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Вѣлостокескій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Вѣлосерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Stormарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе, что, съ соизволенія Нашея, уполномоченный Нашъ подписалъ ^{19/31} декабря 1897 г. протоколъ о присоединеніи Россіи къ конвенціи ^{2/14} ноября 1896 года и дополнительному къ ней акту ^{10/22} мая 1897 года, заключеннымъ въ Гаагѣ между поименованными ниже государствами относительно установленія единообразныхъ правилъ по нѣкоторымъ вопросамъ частнаго международнаго права, каковыя акты отъ слова до слова гласятъ тако:

Его величество Король Бельгійцевъ, его величество Король Испанскій и его именемъ ея величество Королева-Регентша королевства, Президентъ Французской республики, его величество Король Италіи, его королевское высочество Великій Герцогъ Люксембургскій, Герцогъ Нассаускій, ея величество Королева Нидерландская и ея именемъ ея величество Королева-Регентша королевства, его величество Король Португальскій и Алгарвійскій и проч. и швейцарскій федеральный совѣтъ, желая установить единообразныя правила

по разным вопросам частного международного права, относящимся къ гражданскому судопроизводству, рѣшили заключить съ этою цѣлью договоръ и назначили своими уполномоченными, а именно: его величество Король Бельгійцевъ — графа Дегрель-Роже, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при королевскомъ нидерландскомъ Дворѣ; его величество Король Испанскій и его именемъ ея величество Королева-Регентша королевства — г. Артуро де-Багьеръ, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при королевскомъ нидерландскомъ Дворѣ; Президентъ Французской республики — графа де-Сегюръ д'Агессо, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гаагѣ и г. Луи Рено, профессора международного права парижскаго университета, юриконсультъ департамента иностранныхъ дѣлъ; его величество Король Итали — маркиза Павла де-Грегорио, своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гаагѣ; его королевское высочество Великій Герцогъ Люксембургскій, Герцогъ Нассаускій, — графа де-Виллерсъ, своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ; ея величество Королева-Регентша Нидерландскаго королевства — г. Ионгера И. Реэль, министра иностранныхъ дѣлъ, В. фанъ-деръ-Каай, министра юстиціи, и Т. М. Ассеръ, члена государственнаго совѣта, президента конференцій по частному международному праву, бывшихъ въ Гаагѣ въ 1893 и 1894 гг.; его величество Король Португальскій и Алгарвійскій и проч. — графа де-Селиръ, своего чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при королевскомъ нидерландскомъ Дворѣ; швейцарскій федеральный совѣтъ — г. Фердинанда Кохъ, генеральнаго консула Швейцарскаго союза въ Роттердамѣ, каковыя представители, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ исправной и надлежащей формѣ, условились о нижеслѣдующихъ постановленіяхъ:

а) Передача актовъ судебныхъ или внѣ-судебныхъ.

Статья 1. По дѣламъ гражданскимъ и торговымъ передача за границу актовъ происходитъ въ договаривающихся государствахъ по требованію лицъ прокурорскаго надзора или судебныхъ мѣстъ одного изъ этихъ государствъ, обращенному къ надлежащей власти другаго изъ этихъ государствъ.

Передача эта производится дипломатическимъ путемъ, кромѣ того случая, когда между властями обоихъ государствъ установлены непосредственныя сношенія.

Статья 2. Передача судебного акта производится распоряженіемъ власти, къ которой обращено требованіе. Отказъ въ такой передачѣ можетъ послѣдовать только въ томъ случаѣ, если государство, на территоріи котораго передача должна состояться, находитъ, что она можетъ нарушить его верховныя права или безопасность.

Статья 3. Достаточнымъ доказательствомъ передачи служитъ росписка съ отмѣткой о срокѣ, засвидѣтельствованная надлежащимъ порядкомъ, или удостовѣреніе власти, къ которой обращено требованіе, о фактѣ и времени передачи. Вышеупомянутая росписка или удостовѣреніе пишется на второмъ экземплярѣ акта, подлежащаго передачѣ, или прилагается къ этому

второму экземпляру, который былъ препровожденъ съ этою цѣлью.

Статья 4. Постановленія предыдущихъ статей не служатъ препятствіемъ: 1) къ непосредственной передачѣ такихъ актовъ почтою заинтересованнымъ лицамъ, живущимъ за границу; 2) къ непосредственной передачѣ заинтересованными лицами этихъ актовъ при помощи приставовъ или надлежащихъ должностныхъ лицъ той страны, гдѣ врученіе акта должно состояться, и 3) къ передачѣ актовъ, предназначенныхъ ко врученію за границу каждымъ государствомъ при посредствѣ своихъ дипломатическихъ или консульскихъ агентовъ.

Каждый изъ этихъ способовъ передачи можетъ быть примѣненъ только въ томъ случаѣ, если онъ допускается законами заинтересованныхъ государствъ или заключенными между ними конвенціями.

б) Судебныя порученія.

Статья 5. Судебная власть одного изъ договаривающихся государствъ можетъ, согласно съ предписаніями своего законодательства, обратиться, по дѣламъ гражданскимъ или торговымъ, къ подлежащей власти другаго изъ договаривающихся государствъ съ судебнымъ порученіемъ, которое заключало бы просьбу произвести въ его вѣдѣніи либо разслѣдованіе, либо другія судебныя дѣйствія.

Статья 6. Передача судебныхъ порученій производится дипломатическимъ путемъ кромѣ того случая, когда между властями обоихъ государствъ установлены непосредственныя сношенія.

Если судебное порученіе изложено не на языкѣ той власти, къ которой обращено требованіе, то оно должно, буде не состоялось соглашенія въ противномъ, сопровождаться переводомъ, сдѣланнымъ на языкѣ, обусловленномъ обоими заинтересованными государствами, и засвидѣтельствованнымъ въ вѣрности.

Статья 7. Судебная власть, къ которой обращено судебное порученіе, обязана его исполнить. Однако, она можетъ оставить его безъ послѣдствій: 1) если подлинность документа не установлена; 2) если въ томъ государствѣ, къ которому обращено требованіе, исполненіе судебного порученія не входитъ въ кругъ вѣдѣнія судебной власти.

Кромѣ того, исполненіе судебного порученія можетъ быть отклонено, если государство, на территоріи котораго оно должно быть приведено въ исполненіе, находитъ, что это порученіе можетъ нарушить его верховныя права или безопасность.

Статья 8. Если власть, къ которой обращено требованіе, не компетентна исполнить данное судебное порученіе, то оно обязательно передается компетентной судебной власти того-же государства согласно правиламъ, установленнымъ законодательствомъ послѣдняго.

Статья 9. Во всѣхъ случаяхъ, когда судебное порученіе не будетъ исполнено властью, къ которой оно было обращено, послѣдняя немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія той власти, отъ которой требованіе исходитъ, съ указаніемъ, въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 7 статьею, тѣхъ причинъ, по которымъ исполне-

ніе судебного порученія было отклонено, а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 8 ст., — той власти, которой оно было передано.

Статья 10. Судебная власть, исполняющая судебное порученіе, примѣняетъ, по отношенію къ судопроизводственному порядку, законы своей страны. Однако, подлежитъ удовлетворенію требованіе власти, передающей судебное порученіе, о примѣненіи, при исполненіи данного порученія, особаго порядка, даже не предусмотрѣннаго законодательствомъ государства, въ которомъ приводится въ исполненіе судебное порученіе, лишь бы сказанный порядокъ не былъ воспрещенъ этимъ законодательствомъ.

в) Обезпеченіе истцами - иностранцами судебныхъ издержекъ и убытковъ отвѣтчиковъ (cautio judicatum solvi).

Статья 11. Никакое обезпеченіе, ни залогъ, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, не можетъ быть истребованъ, подъ предлогомъ ли иностраннаго происхожденія или по причинамъ неимѣнія мѣста жительства или пребыванія въ странѣ, отъ подданныхъ одного изъ договаривающихся государствъ, имѣющихъ мѣсто жительства въ одномъ изъ нихъ, и обратившихся къ судамъ другаго изъ сихъ государствъ въ качествѣ истцовъ или вступающихъ въ дѣло лицъ.

Статья 12. Состоявшіяся въ одномъ изъ договаривающихся государствъ судебныя опредѣленія о присужденіи къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и убытковъ истца или лица, вступившаго въ дѣло, освобожденныхъ отъ обезпеченія или залога, либо по ст. 11, либо въ силу закона государства, гдѣ искъ предъявленъ, приводятся въ исполненіе въ каждомъ изъ другихъ договаривающихся государствъ компетентною властью по мѣстному закону.

Статья 13. Компетентная власть ограничивается разсмотрѣніемъ: 1) представляетъ ли сообщенное опредѣленіе по закону страны, гдѣ оно состоялось, всѣ необходимыя условія его подлинности, и 2) вступило ли, по тому же закону, сказанное опредѣленіе въ законную силу.

г) Право бѣдности.

Статья 14. Подданные каждаго изъ договаривающихся государствъ пользуются во всѣхъ другихъ договаривающихся государствахъ правомъ бѣдности, наравнѣ съ туземцами и сообразно съ законодательствомъ того государства, гдѣ заявлена просьба о признаніи за просителемъ права бѣдности.

Статья 15. Во всѣхъ случаяхъ удостовѣреніе или заявленіе о бѣдности должно быть выдано или принято властями мѣста постоянного пребыванія иностранца или властями настоящаго его мѣста пребыванія.

Если проситель не проживаетъ въ странѣ, гдѣ возбуждено ходатайство о признаніи за нимъ права бѣдности, то удостовѣреніе или заявленіе о бѣдности безмездно свидѣтельствуется дипломатическимъ или консульскимъ агентомъ страны, гдѣ документъ долженъ быть предъявленъ.

Статья 16. Компетентная на выдачу удостовѣренія или приѣмъ заявленія о бѣдности власть можетъ собирать свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи про-

сителя, обращаясь съ этой цѣлью къ властямъ другихъ договаривающихся государствъ. Власть, которая уполномочена признавать право бѣдности, сохраняетъ за собою право, въ предѣлахъ ея компетентности, провѣрять представляемыя ей удостовѣренія, объявленія и свѣдѣнія.

д) Личное задержаніе.

Статья 17. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ гражданскихъ или торговыхъ, личное задержаніе, какъ средство исполненія или какъ простая охранительная мѣра, не примѣняется къ мѣстнымъ подданнымъ, оно не можетъ быть примѣняемо и къ иностранцамъ, принадлежащимъ къ одному изъ договаривающихся государствъ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

I. Настоящая конвенція должна быть ратификована. Ратификаціи будутъ представлены на храненіе въ Гаагу въ возможно непродолжительномъ времени.

II. Она заключается на пять лѣтъ, считая со дня представленія ратификацій на храненіе.

III. Она признается безмолвно продолженною на каждое новое пятилѣтіе, если не послѣдуетъ, за шесть мѣсяцевъ до истеченія срока конвенціи, отказа отъ нея одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ.

Отказъ отъ конвенціи будетъ имѣть значеніе только для той или тѣхъ странъ, которыя его заявили. Для другихъ государствъ конвенція остается въ силѣ.

IV. Протоколъ о присоединеніи къ настоящей конвенціи государствъ, которыя принимали участіе въ гаагской конференціи іюня и іюля 1894 года, остается открытымъ до 1 января 1898 года.

Въ удостовѣреніе чего подлежащіе уполномоченные подписали настоящую конвенцію и приложили къ ней свои печати. Учинено въ Гаагѣ 14 ноября 1896 года въ одномъ экземплярѣ, который оставленъ на храненіе въ архивѣ нидерландскаго правительства и копіи котораго, засвидѣтельствованныя въ вѣрности, подлежатъ передачѣ дипломатическимъ путемъ государствамъ, подписавшимъ конвенцію или примкнувшимъ къ ней.

(М. П.) графъ Дегрель-Рожье.

(М. П.) Артуро де-Багьеръ.

(М. П.) Сегюръ д'Агессо.

(М. П.) Л. Рено.

(М. П.) П. де-Грегорио.

(М. П.) графъ де-Виллерсъ.

(М. П.) И. Реэль.

(М. П.) фонъ-деръ-Каай.

(М. П.) Т. М. Ассеръ.

(М. П.) графъ де-Селиръ.

(М. П.) Ф. Кохъ.

ПРОТОКОЛЪ О ПРИСОЕДИНЕНІИ.

За Швецію и Норвегію.

(Подп.) Авг. Гильденстолпе.

1 февраля 1897 г.

За Германскую Имперію.

(Подп.) Бринкенъ.

9 ноября 1897 г.

За Австро-Венгерскую Монархію.

(Подп.) Околичани.

9 ноября 1897 г.

За Данію.

(Подп.) К. М. Вирули.

18 декабря 1897 г.
За Россію.
(Подп.) Аксель Берендсъ.
19—31 декабря 1897 г.
За Румынію.
(Подп.) Г. Бенжеско.
19—31 декабря 1897 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛЬ.

Правительства Бельгіи, Испаніи, Франціи, Италіи, Люксембурга, Нидерландовъ, Португаліи, Швейцаріи, какъ государствъ, подписавшихъ конвенцію по частному международному праву отъ 14 ноября 1896 г., и правительство Швеціи и Норвегіи, какъ государствъ, примкнувшихъ къ этой конвенціи, признали цѣлесообразнымъ дополнить означенную конвенцію, въ виду чего нижеподписавшіеся, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ исправной и надлежащей формѣ, условились о нижеслѣдующихъ постановленіяхъ:

Къ статьѣ 11-й.

Само собою разумѣется, что подданные одного изъ договаривающихся государствъ, заключившаго съ другими изъ этихъ государствъ особую конвенцію, на основаніи которой условіе о мѣстѣ жительства, предусмотрѣнное статьей 11-й, не будетъ признано необходимымъ, освобождаются, въ случаяхъ, опредѣленныхъ этою особою конвенціею, и въ предѣлахъ того государства, съ которымъ она была заключена, отъ представленія обезпеченія и залога, упомянутыхъ въ 11-й ст., даже если они не имѣютъ мѣста жительства въ одномъ изъ договаривающихся государствъ.

Къ ст. I и II заключительныхъ постановленій.

Представленіе ратификацій на храненіе можетъ совершиться, коль скоро большинство высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ въ состояніи ее учинить, и о томъ составляется протоколъ, копія котораго засвидѣтельствованная въ вѣрности, передается дипломатическимъ путемъ всѣмъ договаривающимся государствамъ.

Настоящая конвенція вступить въ силу по истеченіи четырехъ недѣль со времени составленія сказаннаго протокола.

Теченіе пятилѣтняго срока о которомъ упоминаетъ ст. II, начнется съ этого числа даже для державъ, которыя представляютъ на храненіе ратификаціи послѣ этого срока.

Къ ст. III заключительныхъ постановленій.

Слова: „Въ случаѣ, если не послѣдуетъ, за шесть мѣсяцевъ до срока конвенціи, отказъ“ и проч., слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что отказъ долженъ быть заявленъ, по крайней мѣрѣ, за шесть мѣсяцевъ до истеченія срока конвенціи.

Настоящій дополнительный протоколъ составляетъ нераздѣльную часть конвенціи и подлежитъ ратификаціи совместно съ нею.

Въ удостовѣреніе чего подлежащіе уполномоченные подписали настоящій дополнительный протоколъ и приложили къ нему свои печати.

Учнено въ Гаагѣ 22 мая 1897 г. въ одномъ экземплярѣ, который оставленъ на храненіе въ архивѣ

нидерландскаго правительства и копіи котораго, засвидѣтельствованныя въ вѣрности, подлежатъ передачѣ дипломатическимъ путемъ государствамъ, подписавшимъ конвенцію или присоединившимся къ ней.

За Бельгію (М. П.) Графъ Дегрель-Роже.

За Испанію (М. П.) Артуро де-Багьеръ.

За Францію (М. П.) Сегюръ д'Агессо.

За Италію (М. П.) П. де-Грегорио.

За Люксембургъ (М. П.) графъ де-Виллерсъ.

За Нидерланды { (М. П.) И. Реаль.
(М. П.) ванъ-деръ-Каай.
(М. П.) Т. М. Ассеръ.

За Португалію (М. П.) графъ де-Селиръ.

За Швецію и Норвегію (М. П.) Авг. Ф. Гильденстолпе.

За Швейцарію (М. П.) Ф. Кохъ.

ПРОТОКОЛЬ О ПРИСОЕДИНЕНИИ:

За Германію (подп.) Бринкенъ.

9 ноября 1897 г.

За Австро-Венгерскую монархію (подп.) Околичани.

9 ноября 1897 г.

За Данію (подп.) К. М. Вирули.

18 декабря 1897 г.

За Россію (подп.) Аксель Берендсъ.

19/31 декабря 1897 г.

За Румынію (подп.) Г. Бенжеско.

19/31 декабря 1897 г.

Того ради, по довольному размотрѣніи сей конвенціи и дополнительнаго къ ней акта, Мы признали за благо, подтвердить и ратификовали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ ихъ содержаніи, общія Императорскимъ Нашимъ Словомъ за Насъ, Наслѣдниковъ и Преемниковъ нашихъ, что все въ помянутыхъ конвенціи и дополнительномъ къ ней актѣ постановленное соблюдается и исполняется будетъ ненарушимо. Въ удостовѣреніе чего мы сію Нашу Императорскую ратификацію, Собственноручно подписавъ, повелѣли утвердить государственною Нашею печатью. Дана въ С.-Петербургѣ, февраля двадцать четвертаго дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствования же Нашего въ пятое.

Подлинная подписана Собственною Его Императорскаго Величества рукою

„НИКОЛАЙ“.

(М. П.)

Контрасигнировалъ: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ.

Хроника.

Вчера, 5 Іюня, въ залѣ генераль-прокурорскаго дома состоялось **послѣднее засѣданіе общаго собранія Высочайше утвержденной при Министерствѣ Юстиціи Комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части**: Комиссія окончила свои труды, выработавъ проектъ новыхъ судебныхъ уставовъ, кромѣ положенія о нотаріальной части. Съ Высочайшаго соизволенія выработанные Комиссіей проекты учрежденія суд. установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго

судопроизводства будут напечатаны в Журн. Министерства Юстиции.

Многие из членов комиссии удостоились Высочайших наград: Тов. Мин. П. М. Бутовский—Высочайшей благодарности, сенаторы: тайн. сов. Н. Н. Шрейберъ и С. И. Лукьяновъ в дѣйст. тайн. сов., тайн. сов. Н. С. Таганцевъ—орд. Александра Невского, директоръ I департамента Мин. Юст. С. С. Манухинъ произведенъ въ тайные совѣтники, сенаторъ А. Г. Раманъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, юрисконсультъ А. А. Соколовскій назначенъ предсѣдателемъ департамента С.-Петербургской Судебной Палаты, тов. Оберъ-Прокурора угол. касс. деп. Прав. Сената ст. сов. И. Г. Щегловитовъ—въ дѣйст. статскіе совѣтники.

Въ министерствѣ финансовъ окончена выработка законопроекта **объ ответственности содержателей промышленныхъ заведеній** за несчастія и смерть рабочихъ. По этому проекту имущественная ответственность за подобныя несчастія возлагается на содержателей промышленныхъ заведеній во всѣхъ случаяхъ, кромѣ лишь происшедшихъ отъ стихійныхъ бѣдствій и отъ умысла самихъ пострадавшихъ, и разнобразится въ размѣрахъ, смотря по зароботку, по степени уменьшенія трудоспособности потерпѣвшаго и по нуждамъ его семейства. Законопроектъ теперь разосланъ на заключеніе мануфактуръ-совѣтовъ. (Русск. Вѣд.).

По вопросу о **правѣ осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь раскольниковъ** на отправленіе съ ними на счетъ казны женъ и дѣтей ихъ, состоялось разъясненіе Правительствующаго Сената, что, на основаніи ст. 78 т. X. ч. 1 зак. гражд., браки раскольниковъ приобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи силу и послѣдствія законнаго брака чрезъ записаніе въ установленныя для этого особыя метрическія книги, и что, по силѣ ст. 253 уст. ссыльн., право слѣдованія на казенный счетъ за ссылаемыми въ Сибирь лицами предоставляется лишь законнымъ ихъ супругамъ. Поэтому, по разъясненію Сената, ходатайство раскольниковъ не внесшихъ свой бракъ въ установленныя метрическія книги, объ отправленіи съ ними на счетъ казны женъ и дѣтей, не можетъ быть удовлетворено.

Комиссіею по **пересмотру законоположеній о крестьянахъ** въ теченіе нынѣшней зимы окончательно разработаны слѣдующіе отдѣльные законопроекты: о приемѣ новыхъ членовъ въ крестьянскія общества и увольненіи изъ обществъ, о мірскихъ сборахъ и капиталахъ, объ административномъ устройствѣ волости и др. Всѣ эти проекты прежде внесенія ихъ на рассмотрениеъ государственнаго совѣта подвергнутся обсужденію въ комиссіи съ участіемъ представителей всѣхъ министерствъ и подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени состоится пересмотръ дѣйствующихъ законоположеній, определяющихъ ответственность желѣзныхъ дорогъ за **нарушеніе очереди отправки сданныхъ къ перевозкѣ товаровъ**. (Жизнь и Иск.).

По словамъ „Торг.-Пр. Газ.“, рѣшено статью 7 **Бернской конвенціи** дополнить постановленіемъ о взиманіи добавочной платы (т. е. пени) съ грузоотправителей въ случаѣ указанія ими вѣса груза ниже дѣйствительнаго. Вместе съ тѣмъ, упомянутую конвенцію рѣшено дополнить еще новымъ правиломъ, что при невѣрномъ объявленіи наименованій груза, если эта невѣрность не влечетъ за собою уменьшенія провозной платы, желѣзная дорога взимаетъ съ отправителя пеню въ размѣрѣ одного франка съ каждой накладной. Такимъ постановленіемъ имѣется въ виду заставить отправителей указывать въ накладныхъ точное наименованіе перевозимыхъ грузовъ.

Въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ особой натуральной повинности по **укрѣпленію береговъ рѣкъ и озеръ** по указанію технического надзора и подъ его руководствомъ, по примѣру натуральной дорожной повинности. (Вит. Вѣд.).

Министръ финансовъ призналъ необходимымъ **дополнить правила для приема вкладовъ** на вѣчное время слѣдующимъ постановленіемъ: „Если вкладчикъ заявилъ желаніе, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ, то заявленіе сего рода признается равносильнымъ отказу его отъ права на измѣненіе или отмѣну постановленныхъ имъ для вклада условій“. (Россия).

По распоряженію варшавскаго оберъ-полицеймейстера, былъ составленъ списокъ **лицъ, замѣченныхъ въ томъ, что во время ссоръ они прибѣгали къ помощи ножей**; затѣмъ этотъ списокъ былъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, который, основываясь на § 34 правилъ о государственной охранѣ, постановилъ однихъ изъ перечисленныхъ въ списокѣ лицъ выслать въ Архангельскую, Вологодскую и другія отдаленныя губерніи, гдѣ отдать ихъ подъ надзоръ полиціи на определенное министромъ число лѣтъ, а другихъ лишитъ на три года права проживанія въ предѣлахъ Привислинскаго края, въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ. (Кіевл.).

17 мая въ Феодосіи выѣздной сессіею Одесской судебной палаты разсматривалось **дѣло о бывшемъ предсѣдателѣ нынѣ упраздненнаго Керченскаго коммерческаго суда** ст. сов. А. М. Страховичъ (61 г.), старшемъ членѣ того же суда кол. ас. Ананіи Апостоловѣ (33 л.) и секретарѣ губ. секр. Петрѣ Качевѣ (34 л.), по обвиненію Страховича въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. 339, 341 и 362, а Апостолова и Качева по ст. 362 и 372 улож. о наказ.

Преданіе суду послѣдовало по указу Правит. Сената, который, разсмотрѣвъ предложенный ему министромъ юстиціи отчетъ члена Харьковской судебной палаты о ревизіи Керченскаго коммерческаго суда, нашелъ въ дѣлопроизводствѣ этого суда слѣдующія не-правильности:

1) несмотря на то, что Керченскій коммерческій судъ принадлежитъ къ числу наименѣе обремененныхъ, обнаружена медленность производства по тремъ не отличающимся сложностью дѣламъ купца Лазаря Стоя-

новскаго и по дѣлу Джирквелова съ Константиновымъ; 2) отсутствие отгѣтокъ о движеніи дѣлъ въ реестрѣ 1897 г. по дѣламъ о несостоятельности; 3) резолюціи въ журналахъ за 1891—1896 годы оказались написанными рукою секретаря, а не предсѣдателя или члена, какъ то требуется уст. суд. торг.; 4) журналы и протоколы оказались подписанными не всѣми участвовавшими въ засѣданіяхъ членами; 5) ходатайство кредиторовъ купца Лазаря Войкова о признаніи Войкова несостоятельнымъ было дважды оставлено безъ движенія, несмотря на наличность несомнѣнныхъ доказательствъ несостоятельности; 6) французскій гражданинъ Леонъ Форъ, отвѣтчикъ по иску Спиридона Кефалы, показалъ, что онъ, Форъ, далъ 20 сентября 1896 г. старшему члену Апостолову 25 руб. въ благодарность за то, что послѣдній согласился отерочить разборъ дѣла по означенному иску; 7) по дѣлу ятинской малярной артели съ Эммануиломъ Кушлю ревизіей установлено, что Кушлю давалъ Апостолову въ разное время взятки въ размѣрѣ отъ 60 до 100 руб.; Милеантъ и Черкасовъ показали, что Кушлю обѣщаль секретарю Качеву въ подарокъ матерію на костюмъ; 8) по дѣлу Харлампія Филатова съ Иоселемъ Элькинымъ о 2,100 р. фрахтовыхъ и 625 р. стальныхъ, обнаружено, что Керченскій коммерческій судъ, въ коемъ установилась практика считать началомъ восьмидневнаго срока на обжалованіе частныхъ опредѣленій день объявленія частнаго опредѣленія въ окончательной формѣ, въ рапортахъ своихъ, при которыхъ были представлены въ Правительствующій Сенатъ поданная 28 мая 1896 г. частная жалоба повѣреннаго Элькина, Минца, и объясненіе Филатова на эту частную жалобу, съ удостовѣреніемъ суда о томъ, что резолюція по обжалованному опредѣленію была объявлена Минцу 30 апрѣля 1896 года, умолчалъ о томъ обстоятельстве, что обжалованное опредѣленіе было объявлено повѣренному Элькина, Минцу, въ окончательной формѣ только 24 мая, т. е. за 4 дня. При этомъ выяснилось, что возраженіе Филатова противъ частной жалобы повѣреннаго Элькина было написано самимъ старшимъ членомъ Апостоловымъ. Веденіе Апостоловымъ дѣлъ, возникшихъ въ Керченскомъ коммерческомъ судѣ, обнаружилось также и по дѣламъ Кушлю, для котораго Апостоловъ, по показанію Черкеса, по полученіи отъ Кушлю первыхъ 25 руб., написалъ при содѣйствіи Черкеса отзывъ и встрѣчный искъ. Наконецъ, ревизіей констатированъ былъ практиковавшійся канцелярскими служителями суда обычай склеиванія съ бумага непогашенныхъ гербовыхъ марокъ.

Въ виду изложеннаго, Правит. Сенатъ находитъ: 1) умышленное сокрытіе по дѣлу Элькина съ Филатовымъ въ рапортахъ коммерческаго суда истины, съ цѣлью достигнута оставленія жалобы Минца безъ разсмотрѣнія Сенатомъ по существу, т. е. совершеніе подписавшими рапортъ лицами дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 362 ул. о нак.; 2) показаніями допрошенныхъ свидѣтелей бывшіе старшіи членъ суда Апостоловъ и секретарь Качевъ избобличаются въ принятіи подарковъ отъ Леона Фора, Кушлю и Подольскаго, вслѣдствіе нахождения дѣлъ означенныхъ лицъ въ производствѣ коммерческаго суда, но безъ нарушенія, впрочемъ, лежавшихъ на Апостоловъ и Качевъ по службѣ обязанностей и

безъ совершенія чего-либо противнаго служенымъ интересамъ, т. е. въ дѣяніяхъ, предусм. ч. 2 ст. 372 улож. о нак.; 3) въ виду неисполненія бывшимъ предсѣдателемъ суда Страховичемъ возложенной на него по закону обязанности ежемѣсячно ревизовать канцелярію, въ дѣлопроизводствѣ суда былъ допущенъ рядъ неправильностей, медленность въ движеніи дѣлъ, несоблюденіе установленныхъ закономъ правилъ и склеиваніе канцелярскими чиновниками съ бумага непогашенныхъ марокъ, и за допущенное бездѣйствіе власти Страховичъ подлежитъ привлеченію къ отвѣтственности по ст. 339 и 341 улож. о наказ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, судебная палата вынесла обвинительный приговоръ бывшему предсѣдателю Керченскаго коммерческаго суда Александру Страховичу и старшему члену Ананію Апостолову, и признала виновнымъ и по суду оправданнымъ секретаря суда Петра Качева. Страховичъ приговоренъ къ отрѣшенію по суду отъ должности, а Апостоловъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію. (Од. Нов.).

19 мая въ уголовномъ отдѣленіи Бакинскаго окружнаго суда, разбиралось **дѣло по обвиненію бывшего околд. надзирателя бакинской полиціи Валіева, 26 лѣтъ, въ преступленіи по должности.**

22 сентября, въ 4 час. дня, Валіевъ явился въ отсутствіе хозяина въ магазинъ Ахмедова и, показавъ какую-то бумагу, потребовалъ съ приказчика Н. П. Иванова и его товарища Мешада Султанова 16 руб. 37 коп. На такое требованіе они отвѣтили, что безъ хозяина они не имѣютъ права платить деньги. Тогда Валіевъ сталъ ругать ихъ и угрожать, что возьметъ ихъ въ участокъ. А когда Ивановъ заявилъ, что все-таки безъ хозяина они распоряжаться деньгами не могутъ, — Валіевъ позвалъ городовыхъ и, толкая Иванова въ грудь, приказалъ имъ отвести его въ участокъ, не позволивъ ему даже надѣть фуражку и угрожая показатъ въ участкѣ, какъ съ нимъ разговаривать. Затѣмъ Иванова насильно посадили въ фэтонъ, и когда привезли въ участокъ, въ дежурной комнатѣ, Валіевъ сталъ бить его по бокамъ и лицу, свалилъ его на полъ и таскалъ за волосы. При этомъ другой околадочный Малиновскій, чтобы не слышно было криковъ Иванова, заперъ дверь дежурной комнаты на глухо. Избивъ его, Валіевъ приказалъ умыться ему, чтобы смыть струившуюся съ него кровь. Затѣмъ Ивановъ былъ посаженъ въ арестантскую, гдѣ онъ и пробылъ до прихода хозяина. Самъ Валіевъ не признаетъ себя виновнымъ и говоритъ, что въ дежурной комнатѣ только спросилъ Иванова относительно паспорта, и узнавъ, что паспорта нѣтъ, задержалъ его до прихода хозяина.

Свидѣтельскими показаніями возбужденное противъ Валіева обвиненіе вполне подтверждается. Оригинальное показаніе, между прочимъ, даетъ городской (ключникъ арестантской) Карамамедовъ. На вопросъ прокурора: подавалъ-ли онъ Иванову воды умываться? онъ отвѣтилъ: „у насъ бьютъ часто, я всѣмъ подаю, а подавалъ-ли именно Иванову, не знаю“.

По второму дѣлу обвиненіе возбудилъ содержатель дамской мастерской г. Лесевичъ. 6 мая 1898 года Валіевъ узналъ, что въ мастерской работаютъ, при-

шелъ туда и потребовалъ прекращенія работы. Г. Лисевичъ заявилъ ему, что у него магазинъ закрытъ, и заказывъ онъ не принимается, а запретить работать при закрытыхъ дверяхъ полиція не въ правѣ.

Послѣ этихъ объясненій Валіевъ вышелъ изъ мастерской, и Лисевичъ съ двоюродной сестрой Дюфоаръ шли къ полиціе-мѣстеру для разрѣшенія вопроса о правѣ работать въ мастерской въ праздничные дни. Но на улицѣ ихъ встрѣтилъ Валіевъ и забралъ ихъ въ участокъ, силой усадивъ въ фаэтонъ. Всею дорогою онъ оскорблялъ обонхъ, въ особенности Лисевича.

Судъ приговорилъ Валіева къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ. (Казб.).

На-дняхъ въ Ригѣ выѣздною сессіею С.-Петербургской судебной палаты разсматривалось дѣло по обвиненію б. смотрителя венденской тюрьмы Сильвестровича, его помощника Яновскаго и старшихъ тюремныхъ надзирателей Каулина и Соболевскаго въ преступленіяхъ по должности. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ Сильвестровичъ объяснилъ, что уже при поступленіи своемъ на мѣсто смотрителя онъ замѣтилъ, что старшіе надзиратели Каулинъ и Соболевскій незаконно пользуются арестантскою провизіею и арестантскимъ трудомъ. Его, Сильвестровича, попытки искоренить это зло вызвали лишь ненависть къ нему служащихъ. Каулинъ же заявилъ, что онъ, правда, воруетъ, но только для своего начальника, т. е. Сильвестровича. Далѣе Сильвестровичъ показалъ, что Каулинъ носилъ ему арестантскій хлѣбъ, но только „для пробы“. Когда же Каулинъ приносилъ и крупу, горохъ или мыло, то онъ, Сильвестровичъ, либо платилъ за эти продукты, либо же приказывалъ возвращать ихъ. Что же касается пользования арестантскимъ трудомъ, то арестантъ Порешъ занималъ въ канцеляріи тюрьмы мѣсто писца, что произошло по незнанію обвиняемымъ закона, равно и вслѣдствіе того, что въ данное время другого писца „не оказалось“. За остальные услуги, оказанныя арестантами Сильвестровичу, послѣдній всегда платилъ.

Надзиратель Каулинъ, на основаніи доноса котораго возникло обвиненіе, объяснилъ дѣло совсѣмъ иначе. По словамъ Каулина, завѣдывавшаго хозяйственною частью тюрьмы, Сильвестровичъ приказалъ ему, Каулину, доставлять сожительницѣ Сильвестровича Петроцкой столько арестантской провизіи, сколько она потребуетъ, что и исполнялось. Для болѣе удобнаго проноса провизіи въ квартиру Сильвестровича была даже сдѣлана въ тюремной оградѣ особая калитка. Далѣе Каулинъ показалъ, что арестантскою провизіею пользовались и онъ, и Соболевскій, и Яновскій, но только въ меньшихъ размѣрахъ. Сильвестровичъ, кромѣ пользования арестантскою провизіею употреблялъ заключенныхъ женщинъ на свои домашнія работы.

Двѣ изъ заключенныхъ женщинъ, работавшихъ у Сильвестровича, показали, что денегъ за свои труды онѣ не получили, хотя одна и должна была выдать квитанцію въ полученіи 1 рубля за 1 мѣсяць работы. Одинъ заключенный, исполнявшій у Сильвестровича должность садовника, получалъ обѣдъ и ужинъ лучше другихъ заключенныхъ. Порешъ показалъ, что

онъ, исполняя обязанности писца съ 14 мая по 2 іюля 1897 года, получилъ за свои труды 6 рублей.

Обвиняемые Яновскій и Соболевскій показали, что они къ хозяйственной части тюрьмы не имѣли никакого отношенія.

Палата постановила: Сильвестровича и Каулина признать виновными и перваго изъ нихъ удалить отъ должности, взыскавъ съ него 10 руб., а втораго заключить въ тюрьму на 4 мѣсяца и взыскать съ него 10 рублей.

На-дняхъ въ С.-Петербургскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ слушалось дѣло по обвиненію женой личнаго почетнаго гражданина Г. ея прислуги И. въ кражѣ бѣлья. Мир. судья 6 уч. приговорилъ И. къ 3 мѣсяцамъ тюрьмы. На этотъ приговоръ И. подала апелляціонный отзывъ и повѣдала съѣзду о своей жизни у г-жи Г. И., по ея словамъ, служила у Г. 2½ мѣсяца, но жалованье получила лишь за одинъ мѣсяць; не получая жалованья, И. заявила, что уходитъ; но Г. не соглашалась отпустить ее. Слыша отъ всѣхъ живущихъ во дворѣ прислугъ и дворниковъ, что Г. никому не отдаетъ при разчетѣ жалованья, бьетъ прислугу, бранится и обвиняетъ въ кражѣ вещей, портитъ вещи прислуги и тѣмъ заставляетъ отказываться отъ жалованья,—И. рѣшила, прежде чѣмъ рѣшительно и окончательно заявить объ уходѣ, собрать свои вещи изъ корзины въ узелъ и унести въ сосѣдную квартиру къ знакомой прислугѣ, которая тоже предупредила ее о Г.; это она и сдѣлала, не осмотрѣвъ вещей и взявъ все, что было въ корзинѣ. Когда затѣмъ И. заявила Г., что уходитъ, то она, не осмотрѣвъ своихъ вещей, начала кричать, что И. воровка, почему И. сама предложила ей пойти въ сосѣдную квартиру осмотрѣть ея вещи; при этомъ въ ея узлѣ дѣйствительно были найдены панталоны и простыня Г. и ничего болѣе; какъ это бѣлье Г. попало къ ней въ узелъ, она не знаетъ. Но панталоны и простыня могли попасть къ ней случайно, будучи приняты ею во время стирки за свои, такъ какъ бѣлье ея одинаково съ бѣльемъ г-жи Г. и мылось вмѣстѣ; сдавая бѣлье Г., она могла передать ей по счету свое вмѣсто ея; подушку же, въ кражѣ которой обвиняла ее у судьи Г., она купила у г-жи Е., у которой служила до Г. 4 года.

Свидѣтели одинъ за другимъ рисовали тяжелую картину обращенія г-жи Г. съ прислугою и категорически утверждали, что ни одна прислуга не живетъ у нея, а рѣдкая уходитъ безъ крупнаго скандала на весь дворъ. Г-жа Е., бывшая хозяйка И., сразу же узнала свою подушку, розовую наволочку на ней и заявила, что дѣйствительно продала ее И. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Е. показала, какъ честно, добросовѣтно и безкорыстно служила у нея 4 года И. Слова г-жи Е. подтвердилъ и чиновникъ особыхъ порученій при государственномъ контролѣ, г. К. Съѣздъ вынесъ оправдательный приговоръ, напряженно и радостно выслушанный всею присутствовавшей публикой. (Сынъ От.).

Ростовское окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ въ послѣднемъ засѣданіи 22 мая, дѣло, возникшее по жалобѣ поселянъ селенія Чалтырь, Анданова, Гаммерцула и Хачкіева на рѣ-

шеніе чалтырскаго волостнаго суда о наказаніи просителей розгами за буйство и драку, въ которой нанесены были побои поселянину Джелаухову, нашло, что наказаніе розгами отнесено къ одному изъ самыхъ тяжкихъ взысканій, а потому волостной судъ долженъ примѣнять эту мѣру весьма осторожно, прибѣгая къ ней только въ особо важныхъ случаяхъ, напримѣръ, если привлеченный къ отвѣтственности окажется виновнымъ въ повтореніи проступка, за который онъ уже подвергался наказаніямъ, или въ совершеніи нѣсколькихъ проступковъ, когда за каждый изъ нихъ полагается болѣе строгое наказаніе. Между тѣмъ, изъ рѣшенія волостнаго суда этого не видно. Кромѣ того, волостной судъ не допросилъ свидѣтелей, на которыхъ ссылались просители въ свое оправданіе. Въ виду этого окружное присутствіе постановило приговоръ волостнаго суда отмѣнить и предоставить тому же суду постановить, не стѣняясь прежнимъ, новое рѣшеніе (Донск. Рѣчь).

Недавно въ выѣздной сессіи Тобольскаго окружнаго суда въ Тюмени разсматривалось дѣло по обвиненію 18-лѣтней женщины Бирюковой въ убійствѣ мужа.

16 іюня прошлаго года Бирюкова явилась въ полицейскій участокъ и заявила надзирателю о совершенномъ ею тяжкомъ преступленіи. Надзиратель г. Десятковъ вмѣстѣ съ Бирюковой отправился къ мѣсту происшествія, гдѣ въ комнатѣ увидѣлъ распростертымъ на полу окровавленный трупъ съ зіяющими ранами на шеѣ. Слѣдствіе обнаружило, что Бирюкова за 7 мѣсяцевъ до преступленія вышла замужъ „по согласію, но не по любви“ за Никиту, который съ первыхъ же дней супружеской жизни началъ ее „поколачивать“. За послѣднее время побои приняли характеръ систематическихъ истязаній, нерѣдко ничѣмъ не мотивируемыхъ. Бирюкова нѣсколько разъ жаловалась въ полицію и мировому судѣ о своемъ несчастномъ положеніи, но нигдѣ не находила облегченія своей участи; убѣгала отъ мужа и опять была водворяема, за что съ новой жестокостью подвергалась истязаніямъ. 15 іюля, вечеромъ, мужъ сильно ее избилъ „безъ всякой причины“ и затѣмъ легъ спать на постель жены. Бирюковой не спалось до разсвѣта. Съ проблескомъ утренней зари она нѣсколькими взмахами топора убила мужа.

Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Объявленнымъ приговоромъ Бирюкова признана виновною въ убійствѣ мужа и приговорена къ 2½ годовому тюремному заключенію.

При 3-мъ полицейскомъ участкѣ гор. Ростова въ настоящее время содержится преступникъ, препровожденный въ Ростовъ этапнымъ порядкомъ изъ Харькова. Это мальчикъ лѣтъ 9. обвиняемый въ бродяжничествѣ. Самъ онъ рассказываетъ слѣдующую исторію. Когда ему было 6 лѣтъ, сожительница отца его потребовала, чтобы онъ былъ прогнанъ. И вотъ три года тому назадъ въ Харьковѣ отецъ оставилъ мальчугана на вокзалѣ, пригрозивъ ему, что если онъ скажетъ, кто онъ такой и откуда родомъ, то онъ, отецъ, убьетъ его. Мальчугана жандармъ задержалъ

тотчасъ же на желѣзнодорожной станціи и на распросы онъ назвался Курск. мѣщан. Христоф. Федот. Авраменко (мальчикъ и теперь называетъ себя этимъ именемъ). Его отправили въ Курскъ, гдѣ показаніе его, однако, не подтвердилось. Въ Курскѣ мальчикъ показалъ, что онъ мѣщанинъ г. Бѣлграда; его вновь препроводили въ тюрьму и отправили въ Бѣлградъ, гдѣ снова ничего не подтвердилось. Съ этихъ поръ начинаются странствованія по тюрьмамъ. Въ каждомъ новомъ городѣ онъ называлъ себя новымъ именемъ и указывалъ новое мѣсто рожденія. Наконецъ, мальчуганъ попалъ опять въ Харьковъ; здѣсь онъ заявилъ смотрителю тюрьмы о томъ, что онъ изъ Ростова-на-Дону, куда онъ былъ препровожденъ.

Теперь мальчуганъ клятвой увѣряетъ, что онъ изъ Одессы, даже указываетъ подробный адресъ, гдѣ онъ когда то жилъ. (Донск. Рѣчь).

Изъ послѣднихъ рѣшеній главнаго военнаго суда „Разв.“ приводитъ слѣдующій любопытный случай. Полковой судъ, разсмотрѣвъ дѣло о рядовомъ А., принявъ во вниманіе: 1) показаніе фельдфебеля Ч., что онъ, бывъ у батальоннаго командира, подполковника С., слышалъ, какъ подсудимый отвѣтилъ супругѣ подполковника на замѣчаніе ея поменьше жечь дровъ и кизяку: „Если вамъ жаль кизяку, то я напишу домой, мнѣ пришлютъ денегъ, и я куплю вамъ кизяку“; 2) § 49 устава о внутренней службѣ, согласно которому казенная прислуга обязана прислуживать не только офицерамъ, но и ихъ семействамъ, и 3) показаніе свидѣтельницы Л., что подсудимый заявилъ барышѣ, что онъ пришелъ служить Царю, а не чистить кастрюли. Поэтому судъ постановилъ: подсудимаго А., за неоказаніе должнаго уваженія супругѣ подполковника С., при которомъ состоялъ казенной прислужкой, на основаніи 36 ст. XXII, перевести въ разрядъ штрафованныхъ. Главный военный судъ разъяснилъ, что 96 ст. XXII предусматриваетъ нарушеніе воинскаго чинопочитанія исключительно противъ начальниковъ офицерскаго званія, каковыми, согласно 100 ст. XXII, признаются всѣ офицеры, а также гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, при исполненіи сими послѣдними обязанностей службы, равно и состоящіе въ одномъ съ виновнымъ полку или управленіи. Затѣмъ § 49 устава о внутренней службѣ ни въ чемъ не измѣняетъ постановленій вышеуказанныхъ 96 и 100 ст. XXII. Поэтому виновность рядового А., выразившаяся въ неумѣстномъ отвѣтѣ женѣ своего батальоннаго командира, у котораго онъ, А., находился казенной прислужкой, составляетъ лишь маловажный проступокъ, облагаемый дисциплинарнымъ взысканіемъ, а не противозаконное дѣяніе, предусмотрѣнное 96 ст. XXII. (Б. В.).

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта разсматривался и, по словамъ газетъ, принятъ внесенный министромъ финансовъ проектъ податной реформы.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаетъ „Торг.-Пр. Газ.“, подготавливаетъ къ внесенію на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ осеннюю сес-

сію проектъ правилъ найма на сельско-хозяйственныя работы.

31 мая, въ седьмомъ часу утра, въ спальномъ вагонѣ С.-Петербургско-Варшавской дороги, на пути между ст. Пондеры и Корсовкой, скончался предсѣдатель

С.-Петербургской судебной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ **Борисъ Александровичъ Бровцынъ**. Покойный лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ (26 мая) получилъ отпускъ и ѣхалъ за границу. Вагонъ съ тѣломъ усопшаго былъ отцѣпленъ и временно задержанъ на ст. Корсовка.

Судебная и административная практика.

Первое Общее Собраніе Прав. Сената.

(Предѣлы надзора Прав. Сената за дѣятельностью губ. присутствій).

Приговоромъ Чичиневскаго волостнаго схода была обложена на волостныя потребности находящаяся внѣ надѣла земля мѣщанъ, перешедшая къ нимъ по купчей крѣпости изъ частнаго владѣнія. Этотъ приговоръ волостнаго схода былъ отмѣненъ Мценскимъ уѣзднымъ съѣздомъ. Орловское губ. присутствіе, по жалобѣ уполномоченныхъ волостнаго схода, своею властью отмѣнило это рѣшеніе. Затѣмъ съѣздъ, подчиняясь указаніямъ губернскаго присутствія, приговоръ волостнаго схода утвердилъ, а губернское присутствіе оставило безъ послѣдствій жалобу, принесенную на второе опредѣленіе съѣзда мѣщанами Ф., которые и принесли жалобу въ Пр. Сенатъ на рѣшеніе губ. присутствія.

Пр. Сенатъ нашелъ необходимымъ обсудить прежде всего вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ подобныя дѣла могутъ и должны подлежать разсмотрѣнію во 2 департаментѣ Правительствующаго Сената и затѣмъ въ I Общемъ Собраніи. Разсмотрѣніе дѣлъ вообще въ Правительствующемъ Сенатѣ совершается или въ инстанціонномъ порядкѣ, или въ порядкѣ высшаго надзора. При преобразованіи крестьянскихъ учреждений по полож. 12 іюля 1889 г. о земск. нач., инстанціонный порядокъ разсмотрѣнія во 2 департаментѣ Сената жалобъ на вновь образованныя губернскія присутствія установленъ въ 126 ст. того полож. для дѣлъ земельного устройства, но ни въ этой статьѣ, ни въ другихъ статьяхъ того положенія нѣтъ никакого указанія на измѣненіе высшаго надзора, обязательнаго для Пр. Сената по 1, 2 и 204 ст. его учрежденія; слѣдовательно несомнѣнно, что высшій надзоръ Сенатомъ долженъ совершаться именно на основаніи этихъ статей его учрежденія. Но такъ какъ по указанію 122 ст. учр. Сената дѣла по представленіямъ губернаторовъ и просьбамъ частныхъ лицъ объ отмѣнѣ постановленій губ. присутствій слушаются во 2 деп. Пр. Сената не иначе, какъ при личномъ участіи министра вн. д. или его товарища, то очевидно, что такой составъ присутствія во 2 департаментѣ обязательенъ при разсмотрѣніи жалобъ на губернскія присутствія какъ въ инстанціонномъ порядкѣ, такъ и въ порядкѣ высшаго надзора. Засимъ, имѣя въ виду, что настоящее дѣло было разсмотрѣно 2 деп. Сената именно въ такомъ составѣ и перенесено въ Общее Собраніе за воспослѣдовавшимъ въ томъ дѣлѣ разногласіемъ, Общее Собраніе, разсмотрѣвъ обстоятельство этого дѣла, находить, что приговоромъ Чичиневскаго волостнаго схода была обложена на волостныя потребности находящаяся внѣ надѣла земля

мѣщанъ; такъ какъ жалоба Филипповыхъ принесена по дѣлу, не касающемуся поземельнаго устройства крестьянъ, то въ инстанціонномъ порядкѣ она должна быть оставлена Пр. Сенатомъ безъ разсмотрѣнія, но такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ обнаружались такія неправильности, которыя въ силу ст. 2 и 204 учр. Прав. Сен., должны быть Пр. Сенатомъ устранены, то обсудивъ обстоятельства настоящаго дѣла въ порядкѣ надзора и принимая во вниманіе: 1) что, на точномъ основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного мнѣнія Госуд. Совѣта по дѣлу Павловыхъ и согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Пр. Сената, внѣнадѣльныя земли, принадлежащія лицамъ не приписаннымъ къ составу волости, не могутъ быть облагаемы сборами на волостныя надобности, а потому первоначальное рѣшеніе Мценскаго съѣзда, отмѣнившее приговоръ волостнаго схода объ обложеніи волостнымъ сборомъ мѣщанъ Ф., было совершенно правильно и по точному смыслу ст. 98 полож. о зем. нач., должно быть признано окончательнымъ; 2) что рѣшеніе губернскаго присутствія 4 ноября 1894 г., отмѣнившее это окончательное рѣшеніе съѣзда, было постановлено съ явнымъ превышеніемъ власти, такъ какъ, по силѣ 127 ст. того же пол., губ. присутствіямъ не предоставлено права отмѣнять своею властью окончательныя постановленія уѣздныхъ съѣздовъ, каковое право принадлежитъ только Пр. Сенату; 3) что въ этомъ рѣшеніи губ. присутствіе допустило совершенно неправильное толкованіе рѣшеній Пр. Сената, примѣнивъ указанія, данныя Сенатомъ относительно разночинцевъ, проживающихъ внутри селенія на надѣльныхъ земляхъ, къ тѣмъ изъ нихъ, которые, подобно просятелямъ Филипповымъ, живутъ внѣ надѣла на купленныхъ земляхъ, никогда въ составъ надѣла не входящихъ, и 4) что послѣдующее рѣшеніе Мценскаго съѣзда 22 декабря 1894 года, утвержденное затѣмъ рѣшеніемъ губ. присутствія 29 сентября 1895 г., составляетъ лишь слѣдствіе предыдущаго неправильнаго рѣшенія губ. присутствія, 1 Общее Собраніе Пр. Сената о п р е д ѣ л я е т ъ: оставить жалобу Ф., на основаніи 126 ст. пол. зем. уч. нач., безъ разсмотрѣнія, — рѣшенія губ. присутствія отъ 4 ноября 1894 г. и отъ 29 сентября 1895 г., а также рѣшеніе Мценскаго уѣзднаго съѣзда отъ 22 декабря 1894 г., въ порядкѣ надзора, согласно ст. 2 учр. Прав. Сената, отмѣнить со всеми послѣдствіями, а первоначальное рѣшеніе Мценскаго уѣзднаго съѣзда, коимъ было отмѣненъ приговоръ Чичиневскаго волостнаго схода отъ 22 Мая 1892 года, составить въ своей силѣ.

Ст. 2 учр. Сен. налагаетъ на Пр. Сенатъ, какъ хранителя законовъ, обязанность заботиться о прекращеніи всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ. Между тѣмъ, если бы допустить, что 2 департаментъ Сената, которому, согласно 26 ст. учр. Сен., подчинены губернская присутствія, не вправѣ, помимо представленій этихъ присутствій или министра вн. дѣлъ, входить въ разсмотрѣніе окончательныхъ постановленій уѣздныхъ сѣздовъ, то оказалось бы, что Сенатъ стѣсненъ въ выполненіи своей обязанности усмотрѣніемъ этихъ мѣстъ, и что губ. присутствіямъ и министру можетъ принадлежать окончательное сужденіе по вопросамъ, предоставленнымъ компетенціи Пр. Сената. Устраняя эту аномалію, прямо противорѣчащую общему смыслу закона, приведенное рѣшеніе Общаго Собранія должно оказывать самое благотворное вліяніе на практику уѣздныхъ сѣздовъ.

Городской судья 1-го уч. г. Нѣжина.

(Находка).

Крестьянинъ Р. нашель 31 руб., которые оказались принадлежащими К. Когда онъ отдалъ деньги и потребовалъ себѣ законную часть за находку, послѣднія требованія его не исполнила. На этомъ основаніи Р. предъявилъ къ К. искъ и просилъ взыскать въ его пользу 15 р. 50 коп. и судебныя издержки.

Возражая на исковыя требованія, К. утверждала, что въ данномъ случаѣ не было находки, и поэтому домогательство Р. считала неосновательнымъ и не подлежащимъ удовлетворенію.

Свидѣтель городской Ч. показалъ, что, стоя на посту, онъ замѣтилъ около лавки С. на землѣ что-то завернутое въ бѣлую бумагу; къ этому предмету подошелъ Р. и поднялъ его. На вопросъ городского отвѣтилъ, что поднялъ деньги. Далѣе городской сообщалъ, что деньги, вѣроятно, принадлежали проходившей невдалекѣ К. и, подойдя къ ней вмѣстѣ съ Р., спросилъ ее: не потеряла-ли она деньги? Догадка городского оказалась правильной, Р. передалъ К. ея деньги, а послѣдняя отказала ему дать половину.

Разрѣшеніе настоящаго иска вполне зависитъ отъ разрѣшенія вопроса: можно ли примѣнить къ данному случаю понятіе находки, какъ разумѣть ее законъ? Изъ смысла ст. 538 и 539 1 ч. X т. св. зак. видно, что для находки законъ требуетъ слѣдующихъ признаковъ: 1) „обрѣтенія“ вещи и 2) объявленія о томъ полиціи, т. е. недостаточно только одного факта поднятія вещи, но необходимо *желаніе отдать* вещь настоящему хозяину и, какъ внѣшнее, осязательное проявленіе этого желанія,—вытекающія изъ него дѣйствія: заявленіе полиціи, публикація и т. д. Ясно поэтому, что ст. 538 не можетъ подлежать распространительному толкованію, ибо это объявленіе полиціи и служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что нашедшій желаетъ отдать вещь ея хозяину и не желаетъ присвоить ее, слѣдовательно, наличность въ каждомъ данномъ случаѣ этихъ *обихъ* признаковъ есть необходимое условіе находки, какъ понимаетъ ее законъ.

Обращаясь къ настоящему дѣлу, мы видимъ, что въ немъ отсутствуетъ второй изъ указанныхъ моментовъ, моментъ существенно важный, т. е. истецъ не доказалъ своего желанія послѣ поднятія денегъ найти настоящаго ихъ хозяина, такъ какъ одновременно съ нимъ деньги были замѣнены и городовымъ, который сейчасъ же и спросилъ Р., что тотъ поднялъ. Этимъ фактомъ Р. лишенъ былъ возможности (если даже и допустить съ его стороны полное желаніе) выполнить требованіе закона о заявленіи полиціи, а безъ такого заявленія данный случай совершенно теряетъ характеръ находки и обращается въ простое поднятіе вещи и передачу ее хозяину таковой.

По такимъ соображеніямъ признавая настоящій искъ недоказаннымъ, городской судья опредѣлить: въ искѣ Р. отказать.

Оригинальный взглядъ, выраженный въ приведенномъ рѣшеніи, не нуждается, конечно, въ опроверженіи, но можетъ служить любопытнымъ примѣромъ шатанія нашей суд. практики по разсматриваемому вопросу, которое объясняется столько же неудовлетворительностью 538—541 ст. X т., сколько и колеблющейся практикой Пр. Сената (См. Право № 5). Изъ того, что законъ требуетъ объявленія въ полицію о потерянной вещи, не слѣдуетъ, очевидно, что до такого объявленія еще не существуетъ находки, подобно тому какъ напр., изъ того, что, вопреки 703 ст. уст. врач., смерть лица не была удостовѣрена врачомъ, не слѣдуетъ, очевидно, что смерть не наступила.

За устраненіемъ этого непредусмотрѣннаго въ законѣ признака оказывается, что въ разсматриваемомъ случаѣ несомнѣнно имѣло мѣсто обрѣтеніе чужой потерянной вещи; повидимому, есть на лицо и другой необходимый признакъ—неизвѣстность собственника, ибо въ рѣшеніи нѣтъ никакихъ указаній на то, что вещь потеряна была на глазахъ нашедшаго, при каковомъ условіи находка, согласно неоднократнымъ разъясненіемъ Пр. Сената, исключается. То обстоятельство, что замѣтившій находку городской догадался, кому принадлежитъ найденная вещь, не имѣетъ значенія, ибо, какъ на это было указываемо въ Правѣ (№ 5, стр. 235, 236), законъ, говоря о неизвѣстности собственника, имѣетъ въ виду, что онъ неизвѣстенъ находчику, а не третьимъ лицамъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Подписчику № 998.

Вопросъ: Подлежитъ-ли завѣщательнымъ распоряженіямъ усадебная земля, выкупленная крестьяниномъ въ собственность?

Отвѣтъ: Согласно разъясненію, преподанному въ рѣшеніи Общаго Собранія 1, 2 и кассационныхъ департаментовъ Пр. Сената № 29 за 1897 г. (рѣшеніе это разослано подписчикамъ „Правъ“ при № 8), надѣльныя земли, даже и выкупленныя въ собственность, а также движимое имущество, необходимое для веденія хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылается 15-й листъ рѣшен. гражд. кассац. деп. Пр. Сената за 1898 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.